

A close-up profile of a woman with long, straight brown hair. Her mouth is slightly open, and a thick, viscous red liquid, resembling blood, is dripping from it. The liquid forms several long, thin strands and some larger droplets against a plain, light-colored background. The overall mood is mysterious and ominous.

ОЛЛАРД
БИБЕР

ЧЕТЫРЕ ЖЕРТВЫ НА ПЯТЕРЫХ...

ЗАГАДОЧНОЕ
УБИЙСТВО
В ЭРФУРТЕ

Оллард Бибер
Загадочное
убийство в Эрфурте
Серия «Сыскное агентство
Макса Вундерлиха. Лучше,
чем немецкий детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67934525

Загадочное убийство в Эрфурте:

ISBN 978-5-04-172962-2

Аннотация

Замечательный атмосферный детектив о старой доброй Германии 90-х, когда жизнь казалась беззаботной, милой и вечной.

Ранним утром на окраине Эрфурта обнаружен труп сорокалетнего мужчины. Прибывший на место преступления инспектор полиции вскоре устанавливает, что убийство произошло вовсе не тут, а внешность убитого полностью соответствует описанию пропавшего некоторое время назад Вальтера Обермана. Догадки инспектора подтвердились: прибывшая из Франкфурта Гизела – жена Вальтера – опознала труп. Частный сыщик Макс Вундерлих выясняет, что

причиной убийства Вальтера стал старинный медальон, когда-то принадлежащий его прабабке – баронессе Эльвире фон Штразен. За медальоном тянулся шлейф таких мрачных тайн, что любая из них могла спровоцировать преступление. Но едва сыщик начал приближаться к их разгадке, убийства возобновились с холодной нордической методичностью...

Оллард Бибер белорус по происхождению, вот уже 20 лет живет и работает в Германии, хорошо познал Германию и немцев, а свежий взгляд позволил ему подметить интересные детали, которые сами немцы своим замыленным взглядом не видят.

Содержание

1	6
2	10
3	18
4	23
5	30
6	37
7	42
8	47
9	51
10	56
11	64
12	76
13	82
14	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Оллард Бибер

Загадочное убийство в Эрфурте

© Бибер О., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Возможные совпадения имен и названий в этом романе с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Истоки многих преступлений лежат в событиях, порой весьма далеких от самого преступления как во времени, так и в пространстве.

В последнее воскресенье июля тысяча девятьсот тридцать восьмого года немногочисленные обитатели имения Лихтенберг, расположенного в Тюрингии в окрестностях Айзенаха, собрались возле спальни баронессы Эльвиры фон Штразен. Баронесса была тяжело больна. Только что от нее вышел доктор господин Вольфганг Штиф. По его скорбному лицу собравшимся стало понятно, что в данном случае медицина бессильна. Доктор шмыгнул носом и, глядя куда-то в сторону, сказал:

– Господа, можно прощаться...

Первым в спальню отправился приехавший из Ваймара единственный родной брат баронессы Адольф Гринберг. Он плотно прикрыл за собой дверь спальни, и это выглядело так, будто господин Гринберг приехал не для того, чтобы в последний раз взглянуть на умирающую сестру и услышать от нее несколько напутственных слов, а намерен обсудить с ней важный деловой вопрос. Однако он довольно скоро покинул спальню. Лицо его было хмурым, а на щеках были красные пятна. Не глядя на собравшихся, он буркнул:

– Карл, она просила позвать тебя.

Барон Карл фон Штразен, единственный сын умирающей, бросил взгляд на дядю, вздохнул и вошел в спальню матери.

Она лежала на той же постели, которую еще три года на-

зад делила с отцом Карла бароном Зигфридом фон Штра-
зенем. Мать была мертвенно-бледна и тяжело дышала. Вы-
сушенные болезнью когда-то полные щеки глубоко запади,
обозначив кости лица. Она попыталась улыбнуться Карлу,
но из этого ничего не вышло. Вместо улыбки сын увидел на
ее лице незнакомую жалкую гримасу. Мать смогла лишь ска-
зать:

– Карл, подойди, пожалуйста, поближе.

Сын подошел и сел на стоявший возле кровати старинный
стул с мягким темно-красным сиденьем. Он взял руку ма-
тери двумя руками и молча посмотрел на нее. В глазах его
стояли слезы.

– Ну вот, – сказала умирающая, – совсем ненадолго я пе-
режила Зигфрида. Скоро я встречу с ним...

После этих слов слезы покатались по щекам сына. Баро-
несса сказала:

– А вот этого не надо, Карл... Вспомни, как не любил отец,
когда ты плакал в детстве. Мы все придем туда...

Карл быстро достал платок и утер глаза.

– Я слушаю, мама.

Баронесса высвободила руку, которую он держал, и, чуть
приподнявшись (сын поддержал ее при этом), запустила ее
под матрас. Немного повозившись там, она извлекла из-под
матраса медальон и протянула его Карлу. Он взял из рук
матери вещь и стал ее рассматривать. Медальон был са-
мым обычным, не золотым и даже не серебряным, но чув-

ствовалась работа хорошего старинного мастера. В него была вставлена маленькая фотография покойного отца. Карл недоуменно взглянул на мать и сказал:

– Да, мама...

– Этот медальон достался мне от моей матери. Карл, это единственное, что я могу тебе передать...

– Как же, мама... А наше имение?

– Имение само собой разумеется. Ты унаследуешь его, но оно досталось нам от твоего отца, а медальон – это то, что принадлежит лично мне.

– Я сохраню его, мама, а когда наступит мой час, передам его своей дочери, – сказал сын, продолжая недоумевать.

Баронесса откинулась на подушку и, собрав силы, быстро заговорила:

– Подожди, Карлуша, я еще не все сказала... Это не просто медальон, с ним связана одна таинственная история...

Мать вдруг замолчала, собираясь с силами. Карл напряженно ждал, стараясь почти не дышать, чтобы не пропустить ни одного даже самого слабого звука, который могла бы издать покидающая этот мир мать. Внезапно грудь баронессы высоко поднялась, она захрипела, глаза ее закатились. Карл подхватил ее голову в надежде еще что-то услышать, но баронесса испустила дух. Он не пытался более сдерживать слезы. Зажав медальон в потной руке, Карл вышел из спальни и сквозь рыдания произнес:

– Мама умерла.

Стоявший в стороне ото всех дядя Адольф впился взглядом в руку Карла, сжимающую медальон. На лбу Адольфа выступила испарина, он до хруста в костяшках сжал пальцы рук. Колени его задрожали, и, чтобы унять внезапную дрожь, он непроизвольно начал топтаться на месте.

Ничего этого обезумевший от горя Карл, разумеется, не заметил. Будучи не в силах оставаться среди собравшихся, он бегом поднялся по лестнице в свою комнату, чтобы там дать волю чувствам.

Всхлипывающие родственники и прислуга робко потянулись в спальню и выстроились вокруг постели умершей. Ближе всех к изголовью стояли супруга Карла баронесса Инга фон Штразен и их трехлетняя дочь Клара.

Лагерь Бюдерих, в котором оказался обер-лейтенант Карл фон Штразен, мало чем отличался от других подобных примерно двадцати лагерей, временно организованных американцами для размещения пленных солдат вермахта, число которых к июню тысяча девятьсот сорок пятого года достигло огромной величины. Общим признаком лагерей было то, что все они были расположены вдоль западного берега Рейна и занимали площади так называемых рейнских лугов – поросших травой безлесных участков земли, используемых в мирное время под пастбища для овец и для других нужд сельскохозяйственного назначения. Делала лагеря похожими друг на друга и простота их сооружения – лишенный леса участок земли просто огораживался колючей проволокой, за которой находились заключенные, а снаружи располагались нехитрые временные постройки для лагерной администрации. Характерной особенностью лагерей было то, что для пленных не предусматривались бараки или иные места для ночлега – заключенные находились под открытым небом и «ночевали» в самостоятельно отрытых при помощи подобранных здесь же, на лугу, консервных банок или других подходящих предметов ямах. Условия пребывания в лагерях и питание были ужасающими, и ежедневные смерти пленных были рядовыми событиями.

Лагерь Бюдерих отличался от остальных тем, что входил в первую пятерку лагерей, где смертность превышала средние показатели.

Рано утром в начале июня обер-лейтенант Карл фон Штразен стоял вблизи проволочного ограждения в длинной веренице бывших солдат вермахта, которые все как один были с ввалившимися грязными небритыми щеками и взглядами, не выражающими ничего, кроме смертной тоски.

Это была очередь за получением завтрака, на который сегодня кроме традиционного кипятка полагался кусок белого американского хлеба. Такой хлеб давали не каждый день, поэтому большинство заключенных съедали его, едва отойдя от американской полевой кухни, где готовился официально называемый супом кипятком с добавлением итальянской томатной пасты.

Обер-лейтенант Карл фон Штразен, как и остальные, грязными руками запихивал в рот хлеб, запивая его кипятком. Хлеб был уничтожен за секунды, и Карл заковылял к своей яме, иногда останавливаясь, чтобы передохнуть и приложиться к солдатскому котелку с кипятком. Он спрыгнул в яму, стараясь не ступить на раненую ногу, снял с себя шинель, расстелил ее так, чтобы часть ее легла на дно ямы, другая же прикрыла ее стенку, и сел. Он знал, что сидеть придется недолго, так как скоро объявят сбор для ежедневной утренней переклички. Карл стремился беречь неумолимо покидавшие его силы. Всем своим существом он чувство-

вал, что скоро умрет. В то утро ощущение близкой смерти было особенно острым.

После переклички он вернулся к своей яме. Солнце стояло уже высоко и нещадно палило. Карл выбрал в яме участок, где солнце светило меньше, и опустился на ее дно. Затем прикрыл глаза. Посидев так немного, он извлек из нагрудного кармана кителя все, что не было отобрано охраной при приеме в лагерь.

Это были фотоснимок, сделанный в сорок втором году, перед самым уходом Карла на Западный фронт, и медальон, подаренный покойной матерью за минуту до ее смерти.

На фотоснимке были супруга Карла Инга фон Штразен и их семилетняя дочь Клара. Инга сидела на стуле, сложив руки на коленях, а Клара стояла, положив правую руку на плечо матери. Вместо фото отца теперь в обрамление медальона была вставлена маленькая фотография супруги. Карл смотрел на милые сердцу лица, и по щекам его катились слезы – то ли оттого, что он не рассчитывал больше увидеть их и мысленно прощался с ними, то ли просто от физической немоги.

Была еще одна причина, по которой Карл фон Штразен достал из кармана последнее, что у него было.

Он вспоминал тот день в конце мая тысяча девятьсот сорок четвертого, незадолго до высадки англо-американских войск в Нормандии, когда он, сидя в своем блиндаже, вот так же достал медальон из своего походного чемодана и рас-

сматривал его, вертя в руках.

Медальон был сработан хорошим мастером. Фото вставлялось с лицевой стороны в специально предусмотренный по всему овалу паз. С обратной стороны все выглядело так, будто бы и нет никакой возможности что-то там приоткрыть или, скажем, отковырнуть – настолько аккуратно и точно были подогнаны детали. Карл все эти годы считал, что в медальоне и не должно ничего открываться – это просто сплошной кусок металла. Но все это время он помнил о словах умирающей матери, поведавшей, что с медальоном связана некая тайна.

Разорвавшийся неподалеку снаряд заставил его вздрогнуть, при этом большой палец правой руки сильно надавил на обратную сторону медальона и произвел некое подобие вращательного движения. И случилось чудо. Открылась очень плотно пригнанная крышечка. То, что Карл обнаружил под ней, заставило его разочарованно присвистнуть. Когда же он детально ознакомился с содержимым медальона, то понял, что умиравшая мать ничего не придумала и упомянутая ею перед смертью тайна является сведениями, способными к вполне немифическому материальному воплощению. Охваченный радостью от внезапно свалившейся на него удачи, Карл быстро вернул все на место и в обратном порядке закрыл крышечку, потом еще долго всматривался в металлическую плоскость, удивляясь ювелирной работе мастера. Тогда же он написал письмо Инге, лишь намекнув на то, что

раскрыл тайну медальона матери. Сообщить подробности он побоялся, так как опасался военной цензуры, проверяющей письма с фронта. Тогда он еще рассчитывал выжить и вернуться домой.

Сегодня все выглядело иначе. Он знал, что в тех краях, где находится их имение, давно уже хозяйничают союзники по антигитлеровской коалиции. Он чувствовал, что ему самому осталось немного жить на этом свете. Сидя на дне ямы, Карл фон Штразен размышлял над тем, как передать медальон близким. Отдать кому-нибудь из бывших товарищей по оружию? Но сейчас невозможно точно сказать, кто из них выживет и куда забросит их дальнейшая судьба. Он слышал, что лагеря скоро будут расформированы, а пленные будут переданы во французские или британские лагеря. Он также опасался того, что кто-то из своих, так же как он тогда в Нормандии, случайно может открыть медальон... Дальше он не хотел даже думать... В общем, вариант передать медальон родным через бывших товарищей по оружию был неподходящим. Что делать? Какое-то решение надо принимать. Американцы двинутся дальше на восток. Отдать какому-нибудь американцу? Может быть, попадется хороший человек и передаст Инге вещи, оставшиеся от скончавшегося мужа. Выбора нет. Нужно поторопиться.

Карл выбрался из ямы и направился к проволочному ограждению. Надо присмотреться к охранникам. Главное, чтобы тот, кого он выберет, не был евреем. Он считал, что

еврей ему, обер-лейтенанту вермахта, в просьбе, безусловно, откажет. За три недели пребывания в лагере он заметил, что в лагерной администрации было немало евреев, прекрасно говоривших по-немецки. Один из заключенных, побывавших на допросе, рассказывал ему, что это выходцы из Германии, в свое время успевшие бежать от нацистов за океан. Они, естественно, должны лютой ненавистью ненавидеть немцев.

Он высмотрел темно-русого скуластого сержанта и, решив, что он настоящий янки, направился к нему. Сержант, заметивший приближающегося к ограждению обер-лейтенанта, угрожающе повел в его сторону винтовкой «М1». Карл заговорил с ним по-английски. В гимназии он неплохо успевал по этому предмету.

– Извините, сержант, не могли бы вы оказать мне небольшую услугу?

– Какую?

– Я хочу дать вам пару предметов и попросить вас о том, чтобы вы передали их моей семье.

– Во-первых, обер-лейтенант, это является нарушением инструкции. Во-вторых, я не знаю, что со мной будет и смогу ли я выполнить вашу просьбу. Почему вы сами не хотите это сделать?

– Сержант, война уже закончилась, и вы, по крайней мере, останетесь в живых, а я уже долго не протяну. Я хотел бы, чтобы эти предметы стали последней весточкой от меня

моим близким.

– Но я не могу вам гарантировать, что смогу выполнить вашу просьбу.

– Что ж, как получится, сержант... у меня нет выбора.

Американец помолчал, колеблясь, оглянулся по сторонам, потом спросил:

– Что это за предметы?

Карл достал из кармана и поднял над головой свои драгоценности.

– Это медальон с фотографией моей жены и фотография, где сняты жена и дочка.

– О'кей.

– Только попрошу вас, бросьте мне через проволоку какой-нибудь карандаш, я напишу адрес.

Он поднял с земли упавший карандаш, присел, положил на колено фотографию и с обратной стороны написал:

Инга фон Штразен

Имение Лихтенберг

Айзенах

Тюрингия

Затем, подумав, дописал:

Июнь 1945

Потом он перебросил медальон и фотографию вместе с карандашом через ограждение. Сержант, имени которого он не спросил, так как это уже не имело смысла, покрутил в

руках фото и медальон и сказал:

– Сейчас там наши части, но скоро уже будут русские, обер-лейтенант... А жена у вас красивая. Я постараюсь, может быть, успею...

Он спрятал в нагрудный карман своего френча то, что еще минуту назад принадлежало обер-лейтенанту вермахта, и напомнил Карлу, что ему все же следует отойти от ограждения. Карл в знак согласия кивнул и заковылял к своей яме.

Назавтра обер-лейтенант барон Карл фон Штразен не проснулся в своей яме. Он был идентифицирован представителем лагерной администрации и передан похоронной команде, состоявшей из пленных солдат вермахта.

Небольшой дом Барбары Итцель располагался в юго-западной части Эрфурта, на самой его окраине, как раз в том месте, где пронизывающая весь город федеральная дорога Б7 выходила за его пределы и устремлялась далее в направлении Геры. Сразу за домиком Барбары город резко обрывался и начинались поля бауэра¹ Штиглица. И еще примерно пять километров всякий едущий по федеральной дороге мог любоваться ухоженностью и геометрической точностью разметки этих угодий, заканчивающихся слева от дороги добротными крестьянскими постройками и собственным большим домом, где проживало многочисленное семейство Штиглица. Все дети, невестки и зятья, за малым исключением, трудились в его хозяйстве, добывая хлеб насущный нелегким крестьянским трудом.

Барбара Итцель проживала в доме с дочерью и недавно появившимся внуком, отец которого не мог быть установлен однозначно без медицинской экспертизы, к которой ни Барбара, ни тем более ее дочь Ульрике не собирались прибегать из этических соображений. Младенец был зарегистрирован на фамилию Итцель, и по меньшей мере в тот день его это совершенно не тревожило. Тревожило его другое. Он хотел

¹ Здесь фермера.

есть, а из тощей груди матери больше нельзя было выжать ни капли молока. Ребенок оглушительно орал, отчего руки Барбары, собирающейся к Штиглицу за настоящим коровьим молоком, дрожали. Дрожащими же руками она открыла подвесной шкафчик и никак не могла сообразить, сколько же это евро ей нужно взять с собой, чтобы рассчитаться с бауэром. Новые деньги ходили в стране только с нового года, и не искушенная в математике Барбара каждый раз сталкивалась с проблемой пересчета с немецкой марки на евро.

Собрав необходимые для молока бидончики и баночки, Барбара вышла из дома и подошла к своему велосипеду, оборудованному для перевозки мелких грузов. Впереди перед рулем и сзади на багажнике были закреплены корзинки из металлических прутьев. Барбара Итцель имела и автомобиль, но без надобности им не пользовалась, экономя на все дорожающем топливе. С ловкостью, свойственной не каждой пятидесятипятилетней женщине, фрау Итцель вскочила в седло «проволочного осла» (так она называла это транспортное средство)² и, лихо набрав скорость, вскоре выехала на федеральную дорогу. Было только начало октября, но день выдался пасмурным и слегка моросило.

Она домчала до поворота к крестьянскому хозяйству Штиглица, и вскоре младшая дочь бауэра уже наливала свежее молоко в подставляемые Барбарой емкости. Рассчитав-

² Шутливое название велосипеда в Германии (*нем.* Drahtesel, дословно: проволочный осел).

шись и погрузив молоко в корзинки, Барбара осторожно выехала на федеральную дорогу и медленно поехала обратно к дому. Справа простиралось голое поле, где еще недавно рос картофель, сразу за ним еще зеленели листья свеклы. Барбара ехала небыстро и с интересом поглядывала направо, любясь ухоженными наделами бауэра Штиглица.

Не доехав метров четырехста до начала города, Барбара увидела впереди на обочине продолговатый предмет, детали которого невозможно было различить в плотном утреннем тумане. Она подъехала ближе и, спрыгнув с велосипеда, повела его дальше «под уздцы». Еще не дойдя метров двадцати до самого предмета, Барбара уже не сомневалась, что то, что она видит, лежащий человек. Она приблизилась вплотную и поставила велосипед, выбив ногой стояночную опору.

Это был относительно молодой мужчина. Навскидку Барбара дала ему сорок лет. Он был без головного убора, в черной куртке и джинсах. На ногах обычные мужские ботинки на толстой подошве. Лежал он на правом боку, левая рука была согнута в локте, ее кисть лежала, прикасаясь к левой стороне груди.

Не надо было быть медиком, чтобы сообразить, что мужчина мертв. Фрау Итцель достала из кармана куртки мобильный телефон и позвонила в полицию. Ответил дежурный.

– Меня зовут Барбара Итцель, – назвалась женщина. – Я обнаружила труп мужчины.

– Где это? – спросил дежурный.

– На выезде из города, метров четыреста по дороге на Геру.

– Сейчас приедем. Прошу вас оставаться на месте до приезда полицейских.

Барбара вспомнила об оружии внуке, но, как законопослушная гражданка, решила дожидаться полицию, надеясь, что последняя не заставит себя долго ждать. Она стала размышлять, что помешало ей обнаружить труп еще тогда, когда ехала к Штиглицу. И поняла, в чем дело. Труп лежит на левой обочине, если смотреть в направлении на крестьянское хозяйство, а она ехала по правой. К тому же в ту сторону она ехала очень быстро. Плюс туман. Потом Барбара подумала о бесполезности подобных мыслительных усилий, с помощью которых она хотела скоротать время до приезда полиции. Зачем ей, собственно, эти умозаключения? Расследовать обстоятельства дела предстоит не ей. Она лишь случайный свидетель. Просто так стоять и ждать фрау Итцель не умела. Она подошла к велосипеду и принялась переставлять в корзинках бидончики и баночки, внутренне сознавая бесполезность и этого занятия. К счастью, вынырнувшая из тумана и резко затормозившая машина криминальной полиции скоро вернула ее к действительности.

Полицейский инспектор Фриц Ниммер стал опрашивать Барбару. Двое других полицейских ходили вокруг трупа. Она попросила инспектора побыстрее завершить все формальности, объяснив, что живет в четырехстах метрах отсю-

да, а там ее ждет голодный младенец.

— Значит, фрау Итцель, когда вы ехали за молоком, не видели ничего?

— Нет, господин инспектор.

— Вы не прикасались к трупу?

— Нет, господин инспектор, я только нагнулась и убедилась, что мужчина мертв.

— Как вы убедились?

— Обыкновенно. Видно же, когда человек дышит, когда нет... Кроме того, глаза были закрыты, да и цвет лица какой-то синий...

— Хорошо, фрау Итцель. Если понадобится, мы вас вызовем. Ваши данные я записал.

Женщина вскочила на велосипед и заторопилась домой, а инспектор Ниммер подошел к коллегам и занялся изучением трупа. Потом он обошел участок вокруг покойника, всматриваясь в растущую на обочине траву. Он почти не сомневался, что труп был доставлен к этому месту автомобилем, когда человек уже был мертв. Все остальное скажет экспертиза.

Фриц Ниммер сфотографировал место происшествия и приказал коллегам грузить тело в машину.

В огромном зале крытого бассейна стоял обычный шум. В «лягушатнике», где со дна били струйки теплой воды, слышались визг и радостные восклицания детей, играющих в мяч или обучающихся плаванию на досках и при этом бешено колотящих ногами по воде. Летящие брызги вынуждали немногочисленных не умеющих плавать взрослых жаться к бортику, где глубина была максимальной. В секторе для прыжков то и дело раздавались «водяные взрывы» от неудачно приводнившихся тел любителей острых ощущений.

Частный детектив Макс Вундерлих выбрал сектор для обычного спортивного плавания. Этот бассейн имел всего лишь двадцать пять метров в длину, и Макс переплывал его уже в двадцатый раз. Итак, пятьсот метров – на сегодня хватит. Он взглянул на стену зала, где висели большие часы, и высчитал, что оплаченное время заканчивается через полчаса. Можно еще пару раз прыгнуть с вышки и закругляться.

Он долго стоял под горячим душем, смывая с себя хлорку. В раздевалке Макс не спеша вытерся большим махровым полотенцем. Одевшись, подставил свою пышную шевелюру под электрофен, немного поворачивая в нем головой.

Автомат турникета подмигнул зеленым глазом, приняв в себя намагниченный жетон, и выпустил Макса в холл. Через стекло, отделяющее холл от улицы, было видно, как ветер

бесшумно гонит по тротуарной плитке октябрьскую листву. Он решил немного остыть и присел в одно из кресел, имеющихся в холле. Взял со столика рядом какой-то старый журнал и, не читая, стал просто перелистывать его, не напрягая мозги и наслаждаясь состоянием необычной легкости, которое он всегда испытывал после плавания.

Сейчас кто-нибудь позвонит... Через минуту, а может быть, через две... Он засекает время. Прошло полторы минуты, и телефон завибрировал в кармане куртки.

– Вундерлих.

– Хай, Максик. Я.

– Хай, Мартина. Рад тебя слышать.

– У меня к тебе дело.

– Да.

– У меня есть приятельница, три дня назад исчез ее муж...

– Она заявила в полицию?

– Да, но только вчера.

– И что?

– Сегодня ей позвонили и сообщили, что мужчина, соответствующий ее описанию, найден мертвым на окраине Эрфурта.

– Но это может быть и ошибкой.

– Да, но она почему-то считает, что это может оказаться правдой... Кроме того, ее пригласили в Эрфурт на опознание.

– У нее есть основания считать, что речь идет о ее муже?

– Мне она об этом не говорила.

Макс знал о привычке Мартины не сразу говорить, чего она хочет, и, чтобы сократить время на бесполезные вопросы, сказал:

– Мартина, я все понял. Ты, вероятно, хочешь, чтобы я ее выслушал. Мы можем встретиться сегодня?

– Да.

– Я через полчаса буду в своем офисе на Шиллерштрассе. Приезжайте вдвоем.

Хватит наслаждаться легкостью в теле. Пора нагружаться.

«Рено» завелся сразу. Через двадцать минут он сидел в офисе на диванчике, пил кофе и курил.

Мартина Хайзе, «из интереса» добровольно помогавшая сыщику Вундерлиху в его расследованиях, открыла дверь и пропустила вперед заплаканную шатенку средних лет. Вместо привычного «Максик» она, видимо посчитав неудобным такое обращение при посторонних, сказала:

– Макс, это моя приятельница Гизела Оберман. У нее несчастье. Думаю, будет лучше, если она сама расскажет.

Макс пригласил обеих дам занять место на диване и, сев за свой стол, сказал:

– Слушаю вас, фрау Оберман.

– Господин Вундерлих, три дня назад исчез мой муж Вальтер Оберман. Утром, как обычно, он отправился на работу, а вечером не вернулся. Я связалась с его шефом, и тот сказал, что Вальтер отпросился на два дня с работы и не появлялся.

Мне он о том, что не пойдет на работу, ничего не сказал.

– Что еще необычного вы заметили?

– В тот день я просидела дома и вышла на улицу только вечером после звонка шефу Вальтера. Тут я, к моему удивлению, обнаружила под навесом автомобиль Вальтера. Получается, что в то утро он на нем не поехал...

– Фрау Оберман, ваш муж ничего не сообщил вам о своих планах? У вас с мужем были хорошие отношения? Что-то же заставило его взять у шефа эти два дня...

– У нас хорошие отношения, и он ничего особенного мне не говорил...

– Может быть, его что-то тревожило в последние дни?

Она замолчала. Макс решил, что она размышляет над значимостью того, что намерена сообщить. Потом ее голос довольно уверенно зазвучал снова:

– Примерно неделю назад ему кто-то позвонил, после чего он задумался и уединился в своей комнате. Мне показалось, что он там что-то искал. На мой вопрос он ответил: «Пустяки, Гизела. Все в порядке».

– Это все?

– Я думаю, этот человек звонил ему еще несколько раз, и каждый раз Вальтер после звонка становился мрачным. Я связываю его исчезновение с этими звонками.

– Что было дальше?

– Я набрала номер мобильного мужа, но он был недоступен. Пожалуй, он отключил телефон. Само собой разумеет-

ся, что и мне он ни разу не позвонил. К исходу второго дня я заявила в полицию, подробно описав внешность Вальтера. А сегодня, — она начала всхлипывать, — мне сообщили из полиции, что мужчина, похожий на Вальтера, обнаружен мертвым на окраине Эрфурта.

— Успокойтесь, фрау Оберман, это вполне может быть ошибкой. Вам сказали, что мужчина убит?

— Они сказали, что видимых следов насилия на теле этого мужчины не обнаружено. Полицейский высказал предположение, что, возможно, отказало сердце. Но Вальтер был здоровым человеком.

— Вот видите, еще один аргумент в пользу того, что обнаруженный мертвым мужчина не ваш супруг. Как я понимаю, документов при этом мужчине не оказалось.

— Совершенно верно. Полицейский сказал об этом. Иначе бы они сразу мне позвонили...

— При условии, что этот мужчина ваш муж, — заметил детектив. — Полицейские пригласили вас для опoznания?

— Да, господин Вундерлих, мне так страшно...

— А что бы вы хотели от меня? Полиция, я думаю, справится с этим случаем без моего участия.

— У меня есть основания полагать, что этот случай не так прост. Местная полиция просто скоро закроет дело и квалифицирует его как несчастный случай. Корни произошедшего лежат глубже.

— О каких основаниях вы говорите?

– Дело в том, что сегодня утром я наводила порядок в комнате мужа и, мне кажется, поняла, что он искал.

– Что же это?

– Я думаю, что этот проклятый медальон, с которым якобы связана некая тайна. Но я о нем знаю крайне мало. Если у медальона и есть какая-то тайна, то она связана с его семьей, с его недавними, так сказать, предками...

Макс с интересом посмотрел на женщину. Такие дела он любил. Дело имеет, возможно, некий «исторический» фон. Пусть даже дело касается всего лишь одной семьи. История была его вторым школьным увлечением после чтения детективных историй.

– Фрау Оберман, я бы с удовольствием выслушал вашу версию.

– Я расскажу все, что знаю, господин Вундерлих. Но прошу вас не отказать мне в любезности и съездить со мной на опознание.

– Чем я смогу вам там помочь?

– Во-первых, вы частный детектив и, естественно, лучше меня разбираетесь в этой процедуре. Кроме того, мне кажется, нужно будет настоять на вскрытии...

– Это в полиции сделают и так. В соответствии с требованиями закона.

– Но поймите, Макс, на всякий случай...

Макс понял, что женщине просто больше не с кем поехать на опознание и она в отчаянии от того, что ей придется там

пережить. Если история, которую она сейчас расскажет, заслуживает внимания и придется заняться этим делом, то будет нелишним прокатиться в Эрфурт.

– Я поеду, фрау Оберман. Тем более что вы приятельница моей помощницы. – Макс улыбнулся и взглянул на Мартину, которая за все время разговора не проронила ни слова. Потом, подумав, сказал: – Я весь внимание, фрау Оберман. Расскажите нам эту таинственную историю.

В самом конце сентября тысяча девятьсот восемьдесят девятого года в большом доме фермера Билла Роуза, занимающегося выращиванием табака недалеко от Ричмонда, собралось много народу. Вечеринка устраивалась по случаю отъезда его сына Майкла Роуза в Европу. Гостями, пришедшими на вечеринку, были в основном соседи-фермеры и их родственники. Не отличающиеся, как и сам Билл Роуз, аристократизмом, с загорелыми лицами, гости вели себя шумно – перекликались, бурно приветствовали друг друга, иногда взрывались оглушительным смехом. Собравшиеся с нетерпением дожидались момента, когда Билл призовет всех, чтобы сказать тост.

Выращиванием табака в Вирджинии занимались многие. Поначалу Билл помогал вести хозяйство отцу Джонатану Роузу. Когда же отец почувствовал, что здоровье ухудшилось, полностью передал ферму сыну. Сейчас Роуз-старший жил не на ферме, а в Ричмонде, но часто навещал семью сына, чтобы посмотреть, как продвигается дело всей его жизни. Старший и средний Роузы всегда надеялись, что младший Роуз, Майкл, получит сельскохозяйственное образование и в свое время возглавит фермерское хозяйство. Но случилось иначе.

Окончив Колумбийский университет в Нью-Йорке, Май-

кл Роуз стал журналистом, а затем и писателем. В начале октября в Германии, во Франкфурте-на-Майне, должна была состояться очередная всемирная книжная ярмарка, где Майкл собирался представить свою новую книгу.

Билл Роуз, хоть и переживал по поводу того, что сын не продолжит его дело, в то же время гордился Майклом. Насколько ему было известно, в роду Роузов еще не было таких грамотеев. И вот его Майкл полетит в Европу. И не просто в качестве туриста, а в деловую поездку. Из всех Роузов в Европе побывал лишь отец Билла Джонатан Роуз. И с тех пор, когда в сорок пятом Джонатан вернулся домой, никто из членов семьи даже не помышлял поехать так далеко. Роузы любили Америку, занимались своим бизнесом и мало интересовались тем, что происходит за пределами американского континента.

Ближайший сосед Билла Джон Ланкастер подошел к Биллу и на правах приятеля напомнил, что гости уже заждались. Билл понимающе кивнул и сказал:

– Скажи гостям, чтобы потерпели еще немного. Я жду старика. Он очень хотел увидеть происходящее с самого начала. Майкл его единственный внук.

– Есть еще внучки, – пошутил Джон.

Вскоре автомобиль Джонатана Роуза подкатил к дому. С сумкой через плечо, старый Джонатан выбрался из машины и сразу попал в объятия внука.

– А мы уж заждались, дед, – сказал Майкл обычные в та-

ких случаях слова и подхватил деда под руку.

Когда Джонатан вошел в дом, гости зааплодировали. Собравшиеся хорошо знали старика, уважали его за жизненный опыт и практичную мудрость и потому столь бурно приветствовали главу семейства Роуз. По случаю вечеринки старый Джонатан изменил привычке и вместо обычной ковбойки и джинсов надел классический костюм и галстук, в которых испытывал неловкость. Билл налил в бокал вина и подал отцу со словами:

– Отец, ты здесь самый старший и должен первым сказать тост.

Старик смутился по понятной причине – он не привык держать речь перед публикой. Однако набравшись решимости, он глубоко вздохнул, обвел взглядом присутствующих и начал так, как это делает президент Соединенных Штатов (его выступления по телевизору Джонатан Роуз слушал всегда):

– Уважаемые леди и джентльмены! Мы собрались здесь по поводу, который еще совсем недавно я не мог себе вообразить. Мой внук Майкл летит в Европу. И не просто в Европу, а в ту страну, в которой когда-то побывал и я. Правда, в связи с трагическими обстоятельствами. Я побывал там в конце той большой и страшной войны. Очень хотелось бы, чтобы подобное никогда не повторилось, но посмею заметить, что мир не стал лучше, и я, честно признаюсь, не знаю, что с этим делать... Может быть, вот такие контакты помогут ми-

ру окончательно не сойти с ума. Майкл, я желаю тебе всяческих успехов и благополучного возвращения домой. За всех нас, леди и джентльмены! За Америку!

Последние слова старика Джонатана потонули в радостных возгласах собравшихся, а внук Майкл, никак не ожидавший такого пафоса от деда, подошел к нему и расцеловал.

Началось шумное веселье. Гости подходили к отдельно стоящему длинному столу, уставленному блюдами с разнообразными закусками, и накладывали в свои тарелки приглянувшиеся куски мясных деликатесов и салатов, во множестве имеющихся на столе. Затем возвращались к общему столу, где Билл услужливо разместил бутылки с алкогольными и другими напитками, бокалы и рюмки.

Алкоголь делал свое дело. Кто-то уже пытался петь. Несколько пар закружились в неопределенного вида танце. Гости, предпочитающие поболтать, объединились в мелкие группы по интересам.

Все три Роуза уселись на большом диване. К ним сразу же примкнул Джон Ланкастер с супругой. Он знал, что Роузы любят поговорить о политике, и с удовольствием в подобных беседах участвовал. Правда, обычно они обсуждали внутреннюю политику. На этот раз, учитывая цель поездки Роуза-младшего, а также желая показать свою осведомленность, подвыпивший Ланкастер спросил:

– Послушай, Майкл, насколько я знаю, там есть две Германии. Ты в какую летишь?

– Это правда, дядя Джон. А лечу я во Франкфурт-на-Майне, он в Западной Германии. Еще там есть ГДР с ее Западным и Восточным Берлином.

– Значит, Берлин ты не увидишь?

– Пожалуй, нет. К тому же все мероприятия расписаны по часам.

В это время, желая продемонстрировать собственную эрудицию, в разговор вмешался отец, Билл Роуз.

– Я слышал, как политики рассуждают о скором объединении двух Германий. Русский президент Горбачев в декабре прошлого года на сессии Генеральной Ассамблеи сказал, что планирует вывести свои войска из Восточной Европы. Это обязательно подтолкнет процесс объединения Германии.

Все это время старый Роуз молча слушал, о чем говорили подвыпившие собеседники, потом хлопнул себя по лбу:

– Как же я забыл?!

– Что, дед? – спросил внук.

Джонатан Роуз полез в сумку и, повозившись в ней, извлек старую потемневшую фотографию и медальон. Потом сказал:

– Вот, взгляните на это...

Каждый по очереди брал в руки оба предмета, недоуменно рассматривал и передавал следующему. Потом Билл Роуз сказал:

– Отец, объясни-ка нам, что это.

Джонатан Роуз собрался с мыслями и начал рассказ, который все с интересом начали слушать.

– В начале июня сорок пятого наша часть охраняла на берегу Рейна лагерь для пленных солдат вермахта. Ко мне обратился немецкий обер-лейтенант. Он был ранен и весьма истощен. Он сказал, что вряд ли долго протянет, и попросил передать вот эти предметы его семье. Вещи, как видите, не представляют никакой ценности, но для близких обер-лейтенанта они, пожалуй, были бы бесценны как память об умершем. Я не испытывал к нему никакой ненависти. Война уже закончилась, и я согласился выполнить его просьбу. К тому моменту, когда я собрался это сделать, оказалось, что местность, указанная в адресе, уже вошла в советскую оккупационную зону... Одним словом, я не смог передать вещи, ведь я был простым сержантом. Не смог я и выбросить эти предметы за ненадобностью. Не знаю, на что я тогда рассчитывал... Я привез медальон и фотографию с собой в Штаты. И все годы меня мучает совесть. На фото жена обер-лейтенанта и его дочь. Возможно, кто-то из них жив. По возрасту это вполне возможно – я-то живу...

– А что стало с обер-лейтенантом? – спросил Джон Ланкастер.

– Он умер уже на следующий день.

Тут заговорил Роуз-младший:

– Дед, насколько я понимаю, ты хочешь, чтобы я попробовал выполнить просьбу немца?

– Совершенно верно, Майкл. Я вспомнил об этих вещах и намеренно захватил их с собой.

Майкл еще раз взял фотографию и прочел адрес, после чего сказал:

– Дед, эта местность и сегодня входит в состав ГДР, а туда у меня визы нет.

– Майкл, возможно, это и так, но все же времена меняются, может быть, у тебя что-нибудь получится. Очисти мою совесть... пусть даже через столько лет...

– Я постараюсь, дед. – Внук взял фото и медальон и спрятал их во внутренний карман пиджака.

Вечеринка продолжалась до позднего вечера.

Через несколько дней самолет, в котором летел и Роуз-младший, взял курс на Европу.

Майкл Роуз был на седьмом небе от счастья. Презентация романа прошла блестяще. Ему пожимали руку, говорили слова восхищения, издатели и переводчики спешили к нему с заманчивыми предложениями. Он уже позвонил деду в Ричмонд и рассказал о своем успехе. Джонатан Роуз спросил:

- Майкл, ты не забыл о моей просьбе?
- Дед, я помню о ней. Сделаю все от меня зависящее.
- О'кей, Майкл. Желаю тебе удачного завершения дел и до встречи в Америке.

Майкл действительно помнил о задании, полученном от старого Роуза, но еще не представлял, как он с ним справится.

Размышляя на ходу над стоящей перед ним задачей, Майкл направился в ближайший из множества имеющихся на ярмарке буфет, где собирался перекусить. Он сидел за столом и с аппетитом уплетал сэндвичи, когда к нему вдруг подошел высокий улыбающийся джентльмен и на прекрасном английском сказал:

- Мистер Роуз, меня зовут Аксель Бекман. Я переводчик с английского. Вы позволите?

Майкл перестал жевать и жестом пригласил переводчика присесть.

– Я вас слушаю, мистер Бекман.

– Мистер Роуз, мне очень понравилась ваша книга, и я хотел бы перевести ее на немецкий язык. У меня широкие связи в немецких издательствах, и я смог бы там договориться о публикации вашей книги. Мои переводы с английского знает вся Германия, и вы не прогадаете, если заключите контракт со мной.

Майкл еще не имел опыта в сделках подобного рода, и ему было все равно, кто переведет его книгу. Главное, чтобы перевод произведения состоялся. Коли мистер Бекман утверждает, что его работы широко известны, что ж, пусть переводит. Немного подумав, он сказал:

– Мистер Бекман, я думаю, что если немец утверждает, что он профессионал, то так оно и есть. Я доверяюсь вам и готов обсудить условия контракта.

– Отлично, мистер Роуз. Давайте встретимся завтра утром в конференц-зале, скажем... в десять.

– О'кей, мистер Бекман, – сказал Майкл и, вдруг вспомнив, добавил: – Кстати, мистер Бекман, уж коли я так быстро согласился на наше сотрудничество... Не могли бы вы мне оказать одну небольшую услугу?

– Все, что в моих силах, мистер Роуз.

Майкл вытащил из кармана фотографию и обратной стороной, где с трудом читались полужатертые временем буквы, протянул ее переводчику.

– Мистер Бекман, взгляните, пожалуйста, на этот адрес.

Насколько я понимаю, это в ГДР...

Бекман прочел, шевеля губами, и ответил:

– Совершенно верно, мистер Роуз. А в чем проблема?

– Я должен кое-что передать одной немецкой семье, включая эту фотографию.

– Вы позволите взглянуть на фото?

– Да, конечно, мистер Бекман. Я могу показать вам и другую вещь. Здесь нет никакой тайны, – сказал Майкл и, удив из кармана медальон, протянул его переводчику.

Бекман повертел в руке медальон, затем перевернул фотографию и долго смотрел на лица людей, которых – подумал он – уже, возможно, нет в живых. Но он ничего не сказал, а лишь заметил:

– Немецкое качество, мистер Роуз... Столько лет, а качество снимков все еще неплохое, да и медальон неплохо работает. А почему сами не передадите?

– У меня нет визы в ГДР.

– Не стоит торопиться, мистер Роуз. Вполне возможно, что этих людей давно там нет. Я попробую выяснить по своим каналам, а потом вам сообщу. Я не исключаю, что туда вообще не надо ехать.

– Сколько времени это займет? Ведь я скоро улетаю в Америку.

– Я думаю, что справлюсь с этим делом быстро... тем более что это нужно моему компаньону. – Бекман улыбнулся и, достав из кармана записную книжку, переписал в нее адрес.

Затем вернул фотографию Майклу.

– Отлично, мистер Бекман. Итак, завтра в десять.

На следующий день Майкл Роуз и Аксель Бекман подписали контракт, после чего переводчик сказал:

– Мистер Роуз, к вечеру у меня будет информация по интересующему вас вопросу. Давайте встретимся... скажем, в вашем гостиничном номере. Где вы остановились?

Майкл продиктовал адрес и сказал:

– Сегодня в девять вечера, мистер Бекман. Вас устроит?

– Вполне.

...Они сидели в номере Майкла и курили. На столе стояли два бокала с легким вином. Бекман сделал глоток и сказал:

– Я выяснил, мистер Роуз. Все обитатели имения покинули его еще в начале сорок пятого года. Тогда многие бежали с востока Германии на запад, опасаясь наступающих русских. Позже имение было национализировано новыми властями ГДР. Что там сегодня, я не знаю.

– Значит, если кто-то остался в живых, они здесь, в Федеративной Республике... Но как их найти?

Бекман улыбнулся и с видом человека, знающего себе цену, сказал:

– Вам повезло, мистер Роуз, что судьба подбросила вам такого человека, как Бекман. Я пошел дальше и, используя свои многочисленные связи, кое-что разузнал.

Майкл вздохнул. В душе его поселилась надежда.

– Очень хотелось бы кого-нибудь разыскать. Ведь это за-

дание моего любимого деда Джонатана Роуза. Все эти годы его мучает совесть, что он не исполнил просьбу того обер-лейтенанта.

– О чем вы говорите?

Майкл коротко пересказал Бекману случай, произошедший с его дедом в далеком сорок пятом. Бекман выслушал писателя с неподдельным интересом и сказал:

– Теперь слушайте, мистер Роуз. Вот что я выяснил. Самой Инги фон Штразен уже нет в живых. Умерла от болезни. Еще жива ее дочь Клара. Теперь ее фамилия по мужу Оберман. У них есть сын Вальтер. Все они проживают...

– Я готов поехать куда угодно, мистер Бекман...

– Успокойтесь, можете считать, что вам повезло во второй раз. Семья проживает здесь, во Франкфурте. Так что практически никуда ехать не надо. Вот вам адрес, а заодно и номер телефона. – Бекман протянул Майклу сложенный вчетверо листок бумаги.

– Не знаю, как вас и благодарить, мистер Бекман...

– Все нормально. Мы квиты. Не забывайте, что теперь мы компаньоны. Кроме того, вы имеете благородное намерение исполнить просьбу обер-лейтенанта вермахта – когда-то враждебной вам армии. Когда вернетесь в Америку, передайте мою благодарность вашему деду. Скажите, что переводчик Бекман может ценить человеческие отношения и желает старику долгих лет жизни.

Таксист долго кружил по городу, пока наконец не привез Майкла на затерявшуюся на северной окраине Франкфурта Бернерштрассе. Рассчитавшись с водителем, писатель подошел к узкому проходу между забором, отделявшим участок справа, и крытым навесом слева. Под навесом стояла серебристая «Ауди». В конце прохода угадывалось крыльцо дома, который и должен был быть – согласно данным мистера Бекмана – местом проживания семьи Оберман. Майкл нажал кнопку звонка.

Дверь открыл мужчина лет шестидесяти. Увидев Майкла, спросил:

– Вы к кому?

Майкл начал объяснять по-английски, кто он и зачем пожаловал, но скоро понял, что мужчина его не понимает. Оставив дверь открытой, мужчина на минуту скрылся в доме, а затем вернулся вместе с молодым человеком лет двадцати пяти. Пожилой кивнул на Майкла и что-то сказал молодому. Тот спросил по-английски:

– Кто вы и что вам угодно?

– Я ищу семью Оберман.

– Это мы, но таких фамилий в Германии много. Может быть, вы что-то перепутали, у нас нет англоязычных знакомых или родственников.

– Скажите, вы имеете отношение к Инге фон Штразен?

Молодой повернулся к пожилому, и между ними состоялся короткий разговор, после чего Майкла пригласили в дом. Хриплый женский голос из дальней комнаты спросил:

– Вальтер, кто там пришел?

– Сейчас, мама...

Вальтер удалился, а затем вкатил в комнату инвалидную коляску, в которой сидела женщина, которая, пожалуй, была моложе мужчины, открывшего дверь, но имела весьма болезненный вид. На шум в комнату вошла еще одна молодая женщина примерно одного с Вальтером возраста. Когда все собрались, Вальтер, как говорящий на английском языке, сказал:

– Меня зовут Вальтер Оберман, это моя жена Гизела Оберман. В инвалидном кресле моя мать Клара Оберман, урожденная фон Штразен. Рядом мой отец Пауль Оберман. А кто вы?

Майкл принялся рассказывать. Жена Вальтера, судя по всему, как-то его понимала, но старики вертели головами, не понимая речь гостя, и Вальтер им переводил. Закончив рассказ, Майкл достал фотографию и медальон и протянул Кларе Оберман. Она взглянула на фотографию, затем на медальон и быстро начала говорить, обращаясь к Майклу. Вальтер переводил:

– Вы ничего не перепутали. Моя мать узнала на фотографии и фото на медальоне свою мать Ингу фон Штразен. К

сожалению, бабушка уже умерла. На фото мать узнала и себя. Здесь ей семь лет. Бабушка рассказывала ей об отце, которого она плохо помнит. Теперь мы будем знать, как умер отец моей матери, мой дед. Кстати, как вас зовут? Расскажите о себе.

– Меня зовут Майкл Роуз... – начал он, но сразу же был остановлен сбивчивой быстрой речью жестикулирующей Клары Оберман.

Вальтер сказал:

– Извините, мистер Роуз, мою мать. Просто она хочет, чтобы все присели к столу и выпили вина. Для матери, да и для нас всех, это выдающееся событие. Ведь мы до сих пор ничего не знали о судьбе нашего деда. Последнее письмо от него было в июне сорок четвертого.

Старший Оберман уже хлопотал возле стола, расставляя бокалы. Вслед за ними появилась большая бутылка красного вина. Инвалидную коляску Клары Оберман подкатали к столу, остальные уселись на мягкие стулья. Майкл продолжил рассказ о себе. Когда он вскользь упомянул о том, что он писатель, все члены семьи Оберман уважительно посмотрели на него.

Клара Оберман продолжала рассматривать фотографию и медальон, по лицу ее катились слезы. Она не пыталась их скрыть. Успокоившись и вертя в руках медальон, женщина сказала:

– А вы знаете, Майкл, покойная мать рассказывала мне

однажды, что с этим медальоном связана какая-то тайна. Якобы мой отец в своем последнем письме написал, что он раскрыл эту тайну. А какая здесь может быть тайна? Обычный медальон – не золотой и не серебряный, просто сработанный хорошим немецким мастером.

После этих ее слов медальон пошел по кругу. Каждый считал долгом подержать его в руках и похвалить мастера. Но никто не открыл никакой тайны. Вальтер, который последним рассматривал медальон, сказал, подводя итог разговору: – Старикам свойственно все окружать тайной.

Его поправила супруга Гизела Оберман. По округлившемуся ее животу Майкл понял, что семью Оберман в недалеком будущем ждет пополнение. Гизела сказала:

– Ну что ты, Вальтер? Тайна потому и есть тайна, что не лежит на поверхности.

Клара Оберман, урожденная фон Штразен, сказала:

– Вы не представляете, Майкл, как я благодарна вам и вашему деду. Пусть и через много лет, но он исполнил свое обещание, поступил как честный солдат. Передайте ему от меня и всей нашей семьи пожелания здоровья и долгих лет жизни. Если вдруг судьба забросит его в Германию, мы будем рады принять его у себя. Жаль только, что моя мать не дождалась этого дня.

Майкл спросил:

– А от кого достался этот медальон вашему отцу?

– Перед самой смертью медальон моему отцу передала его

мать баронесса Эльвира фон Штразен, моя бабушка. Она хотела что-то рассказать отцу, но не успела. Обо всем этом я уже узнала от своей матери.

Вскоре Майкл распрощался с гостеприимной семьей Оберман и с сознанием исполненного долга покинул дом.

Вальтер Оберман, взявший медальон у матери для «раскрытия тайны», сидел в своей комнате и с недоуменным видом вертел эту металлическую вещицу с маленьким фото его бабушки. Затем открыл ящик стола и забросил медальон в самый дальний угол.

– Что только не придумают эти старики...

– Весьма занимательная история, – сказал Макс Вундерлих, когда Гизела Оберман закончила свой рассказ, и, чуть помедлив, добавил: – Но очень мало исходных данных...

Гизела пожала плечами.

– Больше мне нечего добавить, Макс.

Он кивнул и, взглянув на Мартину, сказал:

– Попробуем подвести итоги истории медальона. Итак, тринадцать лет назад некий американец передал семье Оберман восточку из прошлого. Фото и некий медальон, якобы окутанный тайной. И все эти годы медальон провалялся в ящике стола, не вызывая у членов семьи ни малейшего интереса. Так, фрау Оберман?

– Совершенно верно. Сведения, которые тогда сообщила свекровь, были весьма скудными. Мы не предпринимали попыток к выяснению подробностей...

– Надо бы еще раз побеседовать с вашей свекровью.

– Это невозможно, Макс. Ее более нет в живых.

– Печально. А ваш свекор, конечно, не был посвящен в таинство этой семейной легенды?

– По крайней мере, я не знаю, в какой степени... Но это уже неважно – Пауль Оберман также умер.

– Совсем плохо. Последние свидетели, которые могли бы рассказать кое-что о медальоне, ушли из жизни. Придется

опираться на те факты, которые есть. Итак, другие непреложные факты: за неделю до исчезновения Вальтера Обермана кто-то ему позвонил, и, возможно, не один раз, после чего ваш супруг исчез, а вместе с ним медальон, который никому не был нужен в течение тринадцати лет. Вероятность того, что звонки были связаны с медальоном, высока, но не является стопроцентной. Вы согласны со мной, фрау Оберман?

– Вообще-то да... А что еще может быть причиной исчезновения?

– Что угодно. Ваш муж мог исчезнуть по собственной инициативе, и звонки неизвестного никак с этим не связаны.

– Да, но все же...

– Согласен. Примем эту версию как наиболее вероятную. Если звонки неизвестного связаны с медальоном, то существует кто-то кроме членов семьи, знающий о существовании этого медальона и, пожалуй, некой тайне, с ним связанной. Откуда это лицо или лица могли об этом узнать? Во-первых, от самих членов семьи или других лиц, с которыми эти члены контактировали. Что вы на это скажете, фрау Оберман?

– Если речь идет обо мне, то могу ответственно заявить, что я здесь ни при чем, так как забыла о существовании этого медальона. У нас есть двенадцатилетняя дочь Лаура, но ее никто никогда не посвящал в подобные вещи. Родители мужа могли теоретически кому-то рассказать о медальоне и

его тайне... Хотя после того, как медальон появился в доме, свекровь практически не покидала дом, так как была очень больна и на улицу выезжала только в нашем сопровождении. Свекор, конечно, общался с посторонними людьми, но ему было не до праздных разговоров – он любил мать Вальтера и до конца ее дней проводил все время возле нее, а после ее смерти протянул недолго... Остается только Вальтер. Здесь я, естественно, не могу дать никаких гарантий, что он никому не говорил про медальон, хотя смею утверждать, что мой муж не из болтливых.

– Согласен. Примем за наиболее вероятную версию о том, что об этом медальоне знал еще кто-то... и знал, пожалуй, давно... Как медальон попал к деду вашего супруга? Этот факт нам известен – его дала Карлу фон Штразену умирающая мать. Ведь так, фрау Оберман?

– Да, Макс, об этом рассказывала моя свекровь, а она в свою очередь узнала об этом от своей матери.

– Я позволю себе предположить, что прабабка вашего супруга Эльвира фон Штразен имела сестер или братьев, которые могли знать об этом медальоне и, если угодно, его тайне.

– Вполне возможно, господин Вундерлих, – сказала Гизела Оберман, почему-то перейдя на официальный тон, и добавила: – Но я не располагаю такими сведениями. Думаю, что и Вальтер ничего не слышал о родственниках, которые могли знать о медальоне и его тайне.

– Не спорю. Видимо, родословной семьи Штрайзен и при-

дется заняться. Корни истории медальона могут быть зарыты очень глубоко.

В комнате установилось молчание. Каждый был занят своими мыслями. Макс уже строил в голове возможные варианты действий по установлению истории семьи баронессы Эльвиры фон Штразен. Гизела Оберман, убитая логикой сыщика Вундерлиха, тупо смотрела перед собой, забыв, зачем она вообще сюда пришла. Только Мартина, занимавшая в данной ситуации нейтральную позицию, вдруг тоном рассудительного человека сказала:

– Послушай, Макс. Ты совсем забыл о том, что еще не ясна ситуация с Вальтером. – Она робко глянула на Гизелу.

Макс очнулся и сказал:

– Ты, как всегда, права, Мартина. Извините меня, дорогие дамы. Конечно-конечно... Завтра утром, фрау Оберман, мы отправимся в Эрфурт. Вы не против?

– Что вы, Макс. Я вам так благодарна.

– Ну и отлично. Тогда до завтра...

Примерно за два года до того, как Барбара Итцель обнаружила тело мертвого мужчины на окраине Эрфурта, в один из погожих дней в кабинет коммерческого директора известного мюнхенского издательства вошел переводчик с английского Аксель Бекман. Коммерческий директор, которого звали Отто Фукс, всплеснул руками, поднялся со стула и, не переставая повторять «сколько лет сколько зим», пошел навстречу Бекману.

Аксель Бекман энергично тряхнул пухлую руку коммерческого директора и сказал:

– Я думаю, девять лет и девять зим, господин Фукс.

– Неужели? Как же летит время!

– Неумолимо, господин Фукс. Последний раз я был у вас в девяносто первом.

Отто Фукс на секунду задумался и сказал:

– А ведь верно. Я тогда только начал работать в нашем издательстве, – затем, пытаясь изобразить обиду, добавил: – Не уважаете вы нас, господин Бекман, не хотите иметь с нами дело...

– Не совсем так. Во-первых, последние три года меня не было в Германии. Был, так сказать, в творческой командировке...

– И конечно, в Штатах.

– Угадали, господин Фукс. Так что можем считать, что я не был у вас только шесть лет.

– Тоже немалый срок.

– А во-вторых, у вас специализированное издательство. И причина, по какой я у вас не появлялся, проста – не было работ по вашей тематике.

Коммерческий директор расхохотался.

– Господин Бекман, вы, как всегда, выкрутились. По этой части вы мастер, как, собственно, и по переводам с английского.

– Благодарю вас, господин Фукс.

– Как я понимаю, сейчас у вас что-то появилось.

– Совершенно верно. И автор тот же, который был девять лет назад.

– Напомните, пожалуйста. Знаете, все же много лет прошло... Печатаем мы много.

– Тогда я принес вам перевод романа американца Майкла Роуза. Книга неплохо раскупалась, насколько я помню.

– Вспомнил, господин Бекман. Стало быть, вы принесли новый роман Роуза?

– Да, и очень, по-моему, неплохой.

– Ну что ж, оставляйте, я передам в редакцию, пусть знакомятся и принимают решение.

Аксель Бекман достал из своего старого потертого портфеля рукопись и положил ее на стол коммерческого директора. Отто Фукс бегло взглянул на аккуратно скрепленные

листы и сказал:

– Не беспокойтесь, господин Бекман. Рассмотрим в положенные сроки... и даже быстрее. Ваши переводы все знают. Видимо, их качество оценил и сам автор, коли поручил вам перевод следующего романа.

Коммерческий директор нажал кнопку и, как только вошла секретарь, сказал:

– Аннетте, приготовьте, пожалуйста, для меня и господина Бекмана кофе.

Переводчик попытался протестовать, ссылаясь на спешку, но Фукс сказал:

– Успеете, господин Бекман. Посидите полчаса. А то снова исчезнете лет на девять, а к тому времени я уже буду на пенсии.

Аксель Бекман сдался и сел в глубокое черное кресло. Довольный Фукс опустил на свой стул.

– Расскажите что-нибудь об Америке, господин Бекман. Все там на месте?

Бекман улыбнулся и проговорил:

– Для этого у нас мало времени, господин Фукс. Могу лишь рассказать о том, как побывал в Вирджинии на ферме отца Майкла Роуза. Он выращивает табак. Впечатляющее зрелище. Заодно передал благодарность и подарок его деду от одной немецкой семьи.

– Интересно, какую же услугу оказал американец немецкой семье? Расскажите, очень интересно.

– В прошлый раз Майкл Роуз с моей помощью разыскал одну немецкую семью и передал ей от Роуза-старшего сущий пустяк – фотографию и медальон.

– Действительно пустяк.

– Да, вещи эти не представляли собой ничего особенного, но для семьи они оказались бесценными, ибо это память об их умершем родственнике, обер-лейтенанте вермахта. Янки хранил их более сорока лет и все же выполнил обещание, данное умирающему обер-лейтенанту.

Коммерческий директор удовлетворился ответом и замолчал, чтобы сделать глоток кофе. Его не очень интересовала Америка, но, чтобы не показаться переводчику несовременным и скучным, он стал обдумывать следующий вопрос про Америку. Поскольку пауза затянулась, а подходящий вопрос так и не сложился в голове, Отто Фукс просто спросил:

– Как звали обер-лейтенанта?

– Этого я не знаю. Помню только имя его супруги, изображенной на фото. Баронесса Инга фон Штразен.

При этих словах переводчика Бекмана коммерческий директор весь напрягся, в лицо ему ударила кровь, а под белой рубашкой по его толстой спине потекли холодные струйки. Он быстро взял себя в руки и безразлично спросил:

– И где живет эта семья? Пожалуй, они уже не носят фамилию фон Штразен...

– Конечно, господин Фукс. Нынче их фамилия Оберман,

а живут они во Франкфурте-на-Майне. При посещении семьи Майклом Роузом была еще жива дочь обер-лейтенанта, урожденная фон Штразен, внучка баронессы Эльвиры фон Штразен, которой и принадлежал когда-то этот медальон...

– Да-да... Жизнь быстротечна... – задумчиво выдавил из себя Фукс и добавил: – А как выглядел медальон? Вы же видели его?

– Как вам сказать, господин Фукс... Ничего особенного, я бы сказал, обычный, овальной формы, но очень аккуратно исполненный мастером... Немецкое, я бы сказал, качество...

Оба замолчали, лишь легкие удары чашки о блюдо изредка нарушали установившуюся в кабинете тишину. Первым нарушил молчание переводчик Аксель Бекман:

– Спасибо за кофе, господин Фукс. Я, пожалуй, пойду. Когда мне вам позвонить?

– Звоните послезавтра, господин Бекман. Кое-что мы уже сможем вам сказать.

Фукс протянул ему почему-то вдруг вспотевшую ладонь, и Бекман сразу же сунул свою ответившую на пожатие руку в карман пиджака, другой подхватил портфель и покинул кабинет коммерческого директора.

Фукс снова опустился на стул и сидел неподвижно до тех пор, пока вошедшая секретарь не вывела его из состояния оцепенения.

Они решили поехать на «Ауди» Гизелы Оберман. Макс сел за руль, потому что состояние Гизелы вызывало опасения. Она была в полной прострации. На все вопросы частного детектива она отвечала не сразу – долго соображала, пока наконец находилась, что сказать, глядя при этом на Макса пустым взглядом.

Он долго кружил по городу, пока выбрался на пятый автобан и поехал по нему в направлении указателя на Ганновер. До следующего съезда на четвертый автобан было примерно сто двадцать километров, и Макс, решив с пользой провести время за рулем, предался размышлениям.

Он взглянул на Гизелу, тупо смотрящую в лобовое стекло, и подумал о том, что будет с ней, когда она войдет в морг. Он почти не сомневался, что тот, кого им там предъявят, окажется Вальтером Оберманом.

Итак, что мы имеем? Какой-то медальон, переданный Карлу фон Штразену матерью непосредственно перед ее кончиной, какая-то тайна... Если тайна связана с медальоном, то указание на нее и находится в самом медальоне. Она начала говорить о медальоне, понимая, что если даже и не успеет сказать нечто важное, то сын отыщет разгадку тайны в самом медальоне... Он отыскал, но поздно... Гизела утверждает, что медальон весьма прост, на нем никаких надпи-

сей, ничего такого, что могло бы навести на мысль. Значит, если медальон и содержит сведения о тайне, то они внутри его. Внутри, внутри... Значит, его можно открыть. Однако сделать это непросто. Уж не об этом ли хотела сообщить умирающая? И обер-лейтенант разгадал эту загадку через шесть лет, за год до собственной смерти. Какая ирония судьбы... Что же он нашел в медальоне? Уж точно не какой-нибудь драгоценный камень. Матери было бы проще передать ему камень из рук в руки... Нет, в медальоне было что-то объясняющее, что делать дальше... Может быть, нацарапанный знак или какая-нибудь выгравированная надпись... Да, именно так. Ведь как удобно – спрятать информацию в ничем не примечательный медальон, на который никто и внимания не обратит, кроме тех, кому эти сведения предназначены. Для остальных – просто память о матери... Но кто-то что-то знал. И этот «кто-то» был там в день кончины баронессы. Кстати, где это было?

Макс решился нарушить молчание.

– Фрау Оберман, – позвал он.

До нее не сразу дошло, что к ней обращаются. Мысли ее были далеко, и она очнулась лишь после того, как сыщик еще раз позвал ее.

– Да, Макс.

– Ваша свекровь не рассказывала, случайно, где умерла ее бабушка?

– Рассказывала. Это было в их имении Лихтенберг вблизи

Айзенаха.

– Благодарю вас.

Гизела снова отключилась, прикрыв глаза и откинув голову на подголовник.

Вот так, Айзенах. А ведь он совсем недалеко от Эрфурта. И что из этого? Ровным счетом ничего, но все же... Надо устанавливать родню баронессы. Идти в архивы? Длинная песня... Что еще может помочь зацепиться за след? Семейная переписка? Фото? Пожалуй, да. Ведь тогда не было компьютеров и прочих прелестей, связанных с ними. Дед Стефан рассказывал, что и телефон был далеко не у каждого. Все сведения на бумаге, а ее легко и сжечь за ненадобностью... Спрашивать о чем-то Гизелу сейчас не имеет смысла, она сейчас плохо соображает... Потом, когда они вернутся из Эрфурта...

Он едва не проскочил нужный съезд и мысленно обругал себя за это. Вскоре он был на четвертом автобане. Впереди еще было примерно столько же пути, сколько они уже проехали. Гизела спала – так он решил по ее равномерному посапыванию. Мысли переключились на Эрфурт, точнее, на то, что случилось там с Вальтером Оберманом. Он поймал себя на мысли, что думает о муже Гизелы уже в прошедшем времени.

Почему он так уверен, что Вальтер убит? Сказано ведь – никаких следов насилия. Это снаружи. А внутри? Наверное, полицейские уже произвели вскрытие... Есть масса спосо-

бов умертвить человека. И для этого совсем не обязательно проламывать ему череп, набрасывать на шею удавку или дрявить пулями.

В Эрфурт Макс въехал со стороны Леберштрассе. Он не знал, куда им надо, поэтому припарковал автомобиль при первой возможности и начал будить Гизелу Оберман. Она раскрыла глаза, непонимающе посмотрела на него и спросила:

– Где я?

– Фрау Оберман, мы уже в Эрфурте. У вас есть адрес, куда нам надо ехать?

Она с испуганным видом кивнула, залезла в сумочку и подала Максу небольшой листок бумаги:

– Посмотрите сами, господин Вундерлих...

Он прочел адрес, затем высунул голову в окно и, увидев сторбленную седовласую старушонку, расспросил у нее, как проехать по нужному ему адресу. Старуха оказалась на редкость разговорчивой и готова была рассказать ему даже то, что его абсолютно не интересовало. Сославшись на отсутствие времени, Макс вежливо прервал ее шепелявый речевой поток и отпустил педаль сцепления.

Их встретил инспектор Ниммер (тот самый, который был на месте обнаружения трупа). С серьезным видом он посмотрел на вошедших и попросил предъявить документы. Он внимательно прочел данные в каждом удостоверении, шевеля губами и внимательно сверяя фото со стоящими перед

ним оригиналами. Затем начал говорить:

– Фрау Оберман, вы, значит, супруга... – Он замялся, потому что хотел сказать «опознаваемого», но вовремя спохватился и продолжил: – Вальтера Обермана, заявленного вами пропавшим...

– Да, господин инспектор.

– А кто вы, господин Вундерлих?

– Я частный детектив и знакомый фрау Оберман. Приехал с ней, чтобы поддержать ее.

– Но вы ведь не занимаетесь расследованием этого случая?

– Пока нет, господин инспектор. Ведь никакого случая еще нет.

– Что вы имеете в виду?

– Есть труп пока неизвестного человека, который, возможно, не имеет отношения к фрау Оберман.

– Вы правы... – Инспектор попытался изобразить подобие улыбки, но быстро сомкнул губы.

Он повел их в «холодильник». Гизела Оберман сразу же оперлась на руку Макса, и он представил, как тяжело ему будет, если... Нагрузка на руку увеличилась еще до этого «если», потому что картина, которая открылась их взору, лишь только они переступили порог помещения, уже произвела магическое воздействие на его спутницу, и она почти повисла у него на руке. Перед ними были три топчана, накрытые простынями, и Макс подумал, что если Вальтер Обер-

ман здесь, то как бы было хорошо, если бы инспектор сдернул простыню с него первого. Инспектор решил начать демонстрацию слева направо и, сдернув простыню, сказал:

– Смотрите, фрау Оберман.

Его слова произвели обратное действие, и Гизела зажмурилась. Инспектор вздохнул и просительно взглянул на Макса.

– Фрау Оберман, откройте глаза, пожалуйста... – сказал Макс.

Женщина открыла глаза и, увидев пожилого мужчину с синюшным лицом, отрицательно замотала головой.

По закону подлости, только после того, как инспектор сдернул простыню с третьего топчана, Гизела Оберман разразилась отчаянным рыданием. Макс удерживал ее двумя руками, инспектор помогал. Потом он сказал:

– Вы уверены, фрау Оберман? Посмотрите еще раз.

Женщина через силу взглянула еще раз на мертвеца и сквозь рыдания, заикаясь, выдавила:

– Да-а-а...

Вдвоем, под руки, они вывели рыдающую Гизелу из «холодильника» и усадили ее в кресло в кабинете Фрица Ниммера. Инспектор занялся оформлением бумаг, а Макс стал успокаивать Гизелу, пытаясь говорить ей какие-то слова, не оказывающие ни малейшего воздействия на плачущую женщину.

Закончив с бумагами, Ниммер предложил Гизеле подпи-

сать протокол опознания. Дрожащей рукой, не глядя в бумаги, она подписала.

– Подпишите и вы, господин Вундерлих.

– Но я не знал Вальтера Обермана.

– Ничего страшного. Я пометил здесь, что вы подтверждаете, что фрау Оберман опознала мужа.

Макс не возражал и, расписавшись, спросил:

– Есть какие-то первые результаты, господин инспектор? Производилось ли вскрытие?

– Да. На теле не было никаких признаков насилия. Было произведено вскрытие, в желудке обнаружены остатки яда, вызывающие аритмию, которая приводит к полной остановке сердца. На место обнаружения тело было доставлено автомобилем и положено на обочину в положении, как будто человеку стало плохо с сердцем, от чего он якобы потом и умер. Часто применяемая уловка. Помогает сбить со следа и затянуть время розыска. А вообще-то вопрос сложный. Мы возбуждали уголовное дело, но пока никаких зацепок. Вы будете как-то участвовать в розыске?

– Да, господин Ниммер. Фрау Оберман хорошая приятельница моей помощницы, и я тоже приложу усилия для расследования обстоятельств смерти Вальтера Обермана.

– Да, господин Вундерлих, хуже от этого не будет. Оставьте ваши контакты.

Они обменялись визитками. Потом Ниммер встал и подошел к Гизеле Оберман.

– Фрау Оберман, мы доставим тело вашего мужа через два дня. Ваш адрес у нас есть. Вы можете заниматься организацией погребения. О ходе расследования мы будем вам сообщать.

Всхлипывая, она кивнула.

Было совсем темно, когда они въехали во Франкфурт. Макс довел Гизелу до самого порога дома, где им открыла дверь дочь Лаура. Увидев зареванную мать, Лаура все поняла и принялась жалобно скулить.

Побыв еще некоторое время возле женщин, Макс покинул дом, пообещав скоро позвонить.

Сыщик Макс Вундерлих находился в доме, где когда-то жила счастливая и относительно многочисленная семья Оберман. Теперь от нее остались только двое – мать и дочь.

Гизела Оберман с опухшим от слез лицом, вся в черном, неподвижно сидела за столом, положив на него вытянутые руки, и смотрела в одну точку. Макс проследил за ее взглядом и понял, что предметом ее пристального внимания был висящий на стене портрет ее теперь уже покойного мужа. Собственно, портретом назвать фотоснимок было трудно. Это была просто половинка крупной фотографии, где Гизела и Вальтер были сняты вместе где-то на отдыхе. Теперь Гизела была отрезана ножницами, а оставшуюся часть обрамляла черная лента.

Двенадцатилетняя Лаура переносила боль утраты лучше матери. Тем не менее она бесцельно бродила по дому, глядя в пол и изредка украдкой бросая на мать робкие, полные сострадания взгляды. Ей совсем было непонятно, что здесь делает господин Вундерлих, когда у них такое горе. Пройдя в очередной раз возле матери, она споткнулась о ножку стула и едва не упала. Гизела вышла из оцепенения и, с трудом сглотнув, тихо сказала:

– Лаура, сядь куда-нибудь, не маячь... Например, на диван рядом с господином Вундерлихом.

Девочка послушно опустилаcь рядом с сыщиком и хмуро глянула на него.

Воспользовавшись ситуацией, Макс сказал:

– Фрау Оберман, Вальтера не вернуть, а мы должны приложить все усилия, чтобы найти его убийцу. – Потом, помедлив, добавил: – Кроме того, надо попытаться раскрыть тайну медальона, что, я не исключаю, принесет пользу и вам с дочерью.

Лаура завоzилась на диване и вопросительно глянула на мать. Гизела ответила взглядом, который говорил, что в данный момент она не собирается ей что-то объяснять.

Макс решил продолжить свой монолог:

– Фрау Оберман, я хотел бы посмотреть все, что относится к семейному архиву. Это пока единственный источник, из которого мы сможем извлечь что-то ценное.

– Что вы имеете в виду, Макс?

– Семейную переписку, фото, какие-то старые вырезки из старых газет... Все, что хранила ваша свекровь, а после нее, вероятно, ваш муж.

– Не думаю, что у нас сохранилось так много документов, но что-то, пожалуй, есть...

Лаура вдруг проявила неожиданную осведомленность:

– А я знаю. В кладовке есть большой сундук бабушки Клары. В нем много всяких бумаг. Папа однажды... – выпалила Лаура и замолчала, встретив осуждающий взгляд матери.

Макс удивленно посмотрел на внезапно оживившуюся де-

вочку и проговорил, обращаясь к Гизеле:

– Вот видите, фрау Оберман, оказывается, что-то есть. Я схожу с Лаурой в кладовку и принесу сюда сундук. Вы позволите?

Гизела Оберман кивнула.

Сундук оказался скорее сундучком, и Макс легко перенес его. Опустив сундучок на пол возле дивана, он открыл крышку и неспешно начал перебирать содержимое. Лаура с интересом наблюдала за его действиями. Гизела продолжала неподвижно сидеть за столом, иногда безучастно поглядывая то на дочку, то на сыщика.

Старинные открытки с видами городов, старинные же круглые картонные подставки под пивные кружки, несколько альбомов для фотографий, папка с вырезками из старых газет и небольшой прозрачный пластиковый пакет с подписанными пожелтевшими конвертами – такое содержимое явил Максу бабушкин сундучок.

– Молодец, Лаура. Здесь настоящее богатство, – сказал сыщик девочке, и от этой похвалы ее недовольство сразу уступило место доверию к тому, что делал этот совсем еще не старый дядя.

Макс извлек папку с вырезками из газет и проговорил:

– Начнем, пожалуй, с этого.

Он вывалил содержимое папки на диван и начал медленно перекладывать газетные вырезки, читая надписи под ними и размышляя над полезностью той или иной вырезки. От-

несенные к бесполезным он возвращал Лауре, и она снова складывала их в папку. На диване оставалась уже совсем тощая стопочка, когда очередная вырезка привлекла внимание сыщика. На снимке была изображена группа людей разного возраста, в одеждах первой половины уже прошлого века. Сверху на свободном поле газетной вырезки от руки чернилами было написано: «Кончина баронессы Эльвиры фон Штразен. Июль 1938 года. Айзенахер тагесботе».

К снимку была подпись мелкими буквами, которая, пожалуй, когда-то представляла собой перечень лиц, изображенных на фотографии. Теперь же она была настолько затерта, что даже с лупой прочитывать что-либо было невозможно. Зато надпись, сделанная от руки, однозначно свидетельствовала, о чем идет речь и кто на снимке. Безусловно, это люди, принимавшие участие в похоронах баронессы. Последняя приписка означала не более и не менее, как название газеты того времени, в которой был опубликован снимок. Это уже кое-что...

Макс взял вырезку и, не отдавая ее протянувшей руку Лауре, встал с дивана и подошел к Гизеле Оберман.

– Фрау Оберман, знаете ли вы кого-нибудь из людей, изображенных на снимке?

Гизела тяжело вздохнула, но взяла снимок и долго его рассматривала. Потом сказала:

– Вы же понимаете, Макс, что я не из этой семьи... Кроме того, меня в то время еще не было на свете. Но я точно могу

сказать, что вот эта женщина и маленькая девочка рядом с ней очень похожи на тех, кто изображен на снимке, тринадцать лет назад переданном американцем нам.

– Но этот снимок у вас есть, не правда ли?

– Да, конечно. Только он не в этих альбомах, а хранится отдельно. Лаура, ты же знаешь... Там, в рамочке, в комнате отца.

Лаура исчезла и вскоре вернулась с фотографией в серебристой рамке. Протянув ее Макс, снова уселась на диван.

Макс смотрел на фото, которое более сорока лет «гостило» за океаном, и думал о том, как некие почти нематериальные символы могут изменить жизнь человека. Не привези американец Майкл Роуз в Европу этот отголосок прошлого, и Вальтер Оберман мог бы, пожалуй, сегодня быть среди своих близких...

Сыщик приблизился к Гизеле и положил фото рядом с газетной вырезкой. Она внимательно некоторое время изучала снимки, потом произнесла:

– Смотрите, господин Вундерлих. На фотографии, как вам известно, бабушка моего мужа Инга фон Штразен и его мать Клара фон Штразен. Снимок из газеты сделан на четыре года раньше, но можно однозначно сказать, что вот эта женщина слева в нижнем ряду Инга фон Штразен, а рядом с ней ее маленькая дочка, будущая мать моего мужа, моя свекровь.

– Согласен, фрау Оберман.

Потом частный детектив начал рассматривать фотографии в альбомах. Он надеялся найти еще кого-нибудь со снимка из газеты. Вдруг на фотографии окажется подпись или другое указание на этого человека. Но попадались лишь более поздние снимки Инги и Клары фон Штразен. Макс подумал, что очень странно, что в альбоме ему не встретилось ни одной фотографии, где мог бы быть изображен сам оберлейтенант Карл фон Штразен. И он спросил Гизелу:

– Фрау Оберман, как вы считаете? На газетном снимке должен быть Карл фон Штразен? Ведь это его мать умерла и родственники съехались, по сути дела, к нему.

– Я думаю, да.

– А почему его нет в альбоме?

– Справедливый вопрос, Макс. Я слышала от свекрови, что ее отец очень не любил фотографироваться. Она, в свою очередь, слышала об этом от своей матери. Свекровь рассказывала, что была свадебная фотография, где ее отец был снят с матерью, но она пропала, когда семья бежала на Запад. Правда, в альбоме есть фотография, где Карл фон Штразен снят, будучи еще мальчиком.

– Теперь понятно, почему я не заметил. Вы могли бы ее отыскать?

Женщина довольно быстро отыскала фото, где был изображен мальчик лет двенадцати.

– Вот она, господин Вундерлих.

Макс перевернул фото и прочел сделанную карандашом

надпись: «Карл. 1925 год». Потом приложил его к газетному снимку.

– Трудно сказать, но, по-моему, вот этот молодой человек похож на этого мальчика. Как думаете?

– Что-то есть, господин Вундерлих...

– Я добавлю фото этого мальчика к газетной вырезке и фотографии американца... Вы не против, фрау Оберман?

– Ни в коем случае. Я понимаю, как все это может быть важно. Я вам так благодарна...

Макс отложил альбомы, и Лаура с готовностью подхватила их и уложила на законное место в сундучок.

Настала очередь пакета с письмами. Пожелтевшие от времени, кое-где с разводами от попавшей влаги, с надорванными краями, конверты были высыпаны на диван, и Макс доставал из них письма, начав с самого верхнего конверта. Предстояла долгая кропотливая работа, но она его не смущала. Вчитываясь в строки, иногда плохо читаемые из-за неразборчивого почерка, он погружался в другую эпоху, в чужую жизнь, однажды начавшуюся и уже закончившуюся.

Гизела поняла, что это надолго, и, собрав силы, пошла в кухню, чтобы приготовить кофе. Лаура последовала за ней. Продолжая внимательно читать, Макс даже не заметил, что мать с дочерью оставили его одного. Очнулся он только после того, как услышал голос Гизелы:

– Я принесла кофе, господин Вундерлих.

Он поднял голову и смущенно улыбнулся.

– Вы не представляете, как интересно, фрау Оберман. Вроде написано об обычных событиях, которые случаются и сегодня, но кажется, что читаешь некий роман.

– Согласна. Но думаю, вы не откажетесь от кофе. Все равно читать еще долго...

Макс взял с подноса чашку и начал неспешно глотать горячий бодрящий напиток, находясь мысленно в том мире, который только что приоткрыл.

Через некоторое время он стал отдавать Лауре прочитанные письма. Она вкладывала разномастные листики каждый в свой конверт, и каждый новый конверт отправлялся в прозрачный пакет, где ему предстояло храниться в течение срока, который никто в данный момент не рискнул бы назвать.

Через несколько часов в руках Макса остались три письма, которые, на его взгляд, заслуживали внимания. Он снова начал их перечитывать, и через некоторое время два из них вернулись к Лауре. Осталось одно, о пользе которого у него еще не было твердого мнения, но он был уверен, что его надо добавить к уже отобранной газетной вырезке и фотографиям. Он обратился к Гизеле:

– Фрау Оберман, вот это письмо я тоже хотел бы взять.

– Как вам будет угодно, господин Вундерлих. Если считаете, что оно заслуживает внимания...

– Думаю, да. Вот послушайте сами.

И он стал читать Гизеле письмо:

Дорогой племянник,

прошло более года с тех пор, как я отправил тебе мое последнее письмо, в ответе на которое несколько не сомневался. Но, видимо, надеждам моим не суждено сбыться, что, на мой взгляд, не к лицу потомку знатного рода, коим являешься ты, дорогой племянник.

Я понимаю, что предложения, сделанные мною в последнем письме, не явились для тебя радостной новостью, но сейчас, после смерти моей сестры, настал момент, когда справедливость должна восторжествовать. Признаюсь, что у меня с Эльвирой были сложные отношения. Я намного моложе ее, и она не разделяла мои политические взгляды. Она вложила в уши нашей матери, что я исчадие ада, и мать лишила меня всего, на что я имел полное право. Моя служба в партии приносит мне весьма скромный доход, но я жалею не на это, ибо служу прежде всего из идейных соображений. Однако почему я должен отказываться от того, чего меня лишил злой язык моей сестры? Мир ее праху – я не хочу ворошить то, что уже прошло. Сегодня есть ты, ее сын, который, я считаю, может исправить ошибку, допущенную его матерью.

Я думаю, дорогой племянник, твое материальное положение от этого существенно не пострадает. Ведь ты являешься владельцем замечательного имения, из которого извлекаешь доход. А для меня это стало бы существенным подспорьем. Я до сих пор не женат и веду одинокий образ жизни. А как то, о чем я тебя просил, могло бы изменить жизнь твоего дяди! Ты должен помнить в первую очередь о том, что мы

родственники. Что может быть сильнее голоса крови, дорогой племянник?

Я рассчитываю, что хотя бы на это письмо ты ответишь.

С наилучшими пожеланиями
дядя Адольф

Макс закончил читать и взглянул на Гизелу:

– Есть какие-нибудь соображения, фрау Оберман?

Женщина покрутила в руках конверт, силясь рассмотреть почтовые штемпели, потом промолвила:

– Что тут можно сказать? Письмо адресовано Карлу фон Штразену, в имение Лихтенберг. Это совершенно четко читается на конверте. Письмо датировано согласно почтовому штемпелю 1943 годом. Месяц виден не очень четко... Я думаю, ноябрь или декабрь... Отправлено письмо из Ваймара, это тоже можно прочесть на почтовом штемпеле. А вот точный обратный адрес совершенно нельзя прочесть, размыло влагой... от дождя или снега или просто кто-то что-то пролил на конверт... Я могу только утверждать, что на том месте, где должно быть имя отправителя, оно когда-то, естественно, было, но не в виде нормально написанных слов...

– Что вы имеете в виду?

– Отправитель здесь просто расписался. Видите, господин Вундерлих, сохранившийся в конце надписи длинный росчерк...

Макс взял конверт, некоторое время изучал его и сказал:

– Пожалуй, да, фрау Оберман. И что из этого следует?

– Скорее всего, ничего. Как хотел, так и подписал.

– А что вы могли бы сказать в отношении текста письма?

– Могу сказать, что главная информация содержалась в предыдущем письме, на которое, как утверждает автор, Карл фон Штразен не ответил. Я думаю, что дед Вальтера не ответил и на это письмо.

– Почему?

– Свекровь как-то рассказывала мне, что отца призвали в вермахт и отправили на фронт в сорок втором, так что предыдущее письмо он, возможно, тоже не читал. Его получила супруга Инга фон Штразен, прочла и не стала отвечать, так как ее просьба автора письма не касалась. Так я, по крайней мере, думаю.

– Вполне возможно. Но куда же делось это письмо?

– О, господин Вундерлих, все очень просто – письмо пропало. Когда люди в спешке бежали на Запад, лишались и не таких ценностей.

– Трудно возразить. Одно ясно, что дядя Адольф, фамилию которого мы пока не знаем, имел к племяннику претензии материального толка и связывал их с матерью Карла Эльвирой фон Штразен. А нам известно, что именно от матери Карл фон Штразен получил некий медальон. Не исключено, что дядя Адольф что-то предполагал в отношении этого медальона.

– Да, Макс. Это похоже на правду.

– Я смею также утверждать, что между Карлом фон Штра-
зенем и его дядей были натянутые отношения, а слова про
голос крови – это просто красивая фраза. Судите сами, два
письма за два года – и это из Ваймара, который не так уж да-
лек от имения Лихтенберг. И ни одного, стало быть, визита.
Похоже, дядя даже не знал, что племянник давно воюет.

Гизела пожала плечами. Макс сложил в свою папочку до-
бытые за полдня трофеи и стал собираться.

– Должен откланяться, фрау Оберман. Документы я заби-
раю с собой. Верну в семейный архив, как только поймает
преступника и найдем медальон... или хотя бы выясним, что
с вашим мужем случилось.

– Благодарю вас за все, господин Вундерлих. Я не знаю,
что бы делала без вас.

Сыщик пошел к двери и, обернувшись, еще раз взглянул
на мать с дочерью. Обе с надеждой смотрели ему вслед.

Всю свою жизнь Адольф Гринберг кому-нибудь завидовал. В раннем детстве предметом зависти была старшая сестра Эльвира, которой уже позволялось помогать в мясной лавке, которую держали родители Густав и Клавдия Гринберг. Эльвире не всегда нравилось раскладывать на прилавке нарезанные мясные деликатесы, и тогда она привлекала для этой цели младшего брата, сама же при этом наблюдала, как он раскладывает мясные продукты, и, если ей что-то не нравилось, незаметно отпускала Адольфу тумаки или, хуже того, больно его щипала. Адольф терпел и не жаловался, потому что иногда Эльвира бывала доброй и покупала ему сладости.

Когда Эльвиру выдали замуж за представителя знатного рода барона Зигфрида фон Штразена, Адольф продолжал ей завидовать, потому что теперь она жила в богатом имении, куда он ездил с родителями по большим праздникам, чтобы навестить сестру. Адольф бродил по огромному саду мужа Эльвиры барона фон Штразена и завидовал тому простору, что не шел ни в какое сравнение с маленьким участком, окружавшим домик родителей Адольфа, расположенный в Ваймаре на узкой мощеной улочке, где не было ни одного дерева.

Когда Эльвира стала жить с мужем в имении Лихтенберг,

родители все чаще привлекали Адольфа к работе в лавке, и он завидовал мальчишкам, которые в это время гоняли мяч на большой поляне на окраине города. В школе он завидовал сверстникам, учившимся лучше его.

В двадцать пятом году от удара умер отец Густав Гринберг. Теперь вся тяжесть «мясной» деятельности легла на плечи тридцатилетнего Адольфа. Старая Клавдия теперь играла «вторую скрипку» в семейном гешефте, и Адольф, ставший во главе предприятия, имел все основания никому не завидовать. Он даже стал иногда задумываться, не пора ли ему жениться.

Внезапно им снова овладело чувство зависти. Он стал завидовать другому Адольфу, который к двадцать девятому году стал известным всей Германии. Адольф Гринберг понимал, что высот, завоеванных тезкой, ему уже не достичь, и, чтобы хотя бы немного приблизиться к новому кумиру, в том же году вступил в национал-социалистическую партию, чем вызвал заметно проявляемое недовольство матери.

– Адольф, – говорила Клавдия Гринберг, – эти ребята плохо закончат, а вместе с ними расквасишь нос и ты.

Тем не менее Адольф продолжал активно трудиться на благо партии, совмещая работу в ней с мясоторговлей, на которую все меньше оставалось времени. Как следствие, бизнес стал приносить все меньше доходов и в конце концов под напором деятельности конкурентов испустил дух. Дело всей жизни покойного отца бесславно закончилось под руковод-

ством сына, искренне верившего в то, что вместе с партией он обретет весь мир.

Из семи уровней партийной иерархии, над которыми возвышался тезка Адольф, бывшему мяснику Адольфу Гринбергу удалось добраться лишь до второго снизу. Он гордился постом руководителя ячейки партии, хотя доход от этой деятельности не шел ни в какое сравнение с прежним доходом от продаж шницелей, вырезок, ветчины и прочих вкусностей. Иногда Адольф требовал денег от матери, и она в таких случаях отвечала ему:

– Ты с ума сошел, Адольф. Какие деньги? Не ты ли пустил по ветру дело отца? Все, что мы выручили от продажи лавки, давно проели. Я всегда тебе повторяла, что нужно заниматься делом, но ты предпочел совместный бизнес с коричневыми. Пойди к ним и попроси у них денег. У меня ничего нет, и я уже стара...

Адольф опускал голову, сознавая справедливость слов матери, но через несколько минут возобновлял атаку:

– Но вы с отцом занимались этим делом всю жизнь, и я не верю, что вы не сделали накоплений... Ведь всю жизнь мы жили довольно скромно. Уж не Эльвире ли ты отдала все вами заработанное? Неужели ей мало баронского состояния? Что она тебе обо мне наговорила? Пожалуй, это она убедила тебя лишить меня всего...

Клавдия отвечала:

– Ты сам лишил себя всех благ, когда-нибудь ты вспом-

нишь мои слова, но будет поздно. И меня тогда уже не будет в живых...

Мать умерла в тридцать третьем, как раз в тот год, когда тезка Адольф окончательно утвердился в Третьем рейхе. Его триумфальное восхождение укрепило веру Адольфа Гринберга в правоту избранного пути, и он с головой окунулся в партийную работу. Его доходы несколько выросли, но денег ему все равно катастрофически не хватало. В такие моменты внутри у него закипало, и он ехал к сестре в имение Лихтенберг, где требовал денег.

– Ты лжешь, Эльвира, – возмущенно говорил он. – Мать дала тебе что-то. Ты обязана поделиться с братом.

В таких случаях баронесса Эльвира фон Штразен, которая уже была тяжело больна и плохо себя чувствовала, звала слуг, и они выставляли из имения зарвавшегося партийного функционера. Когда сестра, совсем ненамного пережившая мать, умерла, Адольф Гринберг еще пару раз пытался предъявлять претензии племяннику Карлу, но вскоре оставил эту затею и успокоился.

На фронт Адольф Гринберг не попал в силу возраста и продолжал исполнять обязанности руководителя ячейки в Ваймаре. В сорок четвертом году после неудачного покушения на тезку³ Адольф Гринберг наконец-то женился. Несмотря на неудачи вермахта на фронте, он решил, что это бог спас тезку Адольфа и, значит, все будет замечатель-

³ Имеется в виду заговор и покушение на Гитлера в 1944 году.

но. Учитывая свой немалый возраст, Адольф Гринберг поторопился и произвел на свет друг за другом двух детей – мальчик Отто появился на свет в конце сорок четвертого (несколько раньше положенных девяти месяцев после свадьбы, что очень смущало тещу, воспитанную в пуританском духе), а в конце сорок шестого родилась дочь Эльза.

Когда наступали русские, Адольф Гринберг не бежал на Запад, а постарался затеряться в советской оккупационной зоне. Это ему удалось. Однако когда в сорок девятом образовалось новое немецкое государство и служба безопасности ГДР Штази занялась выявлением бывших партийных функционеров национал-социалистической партии, Адольф почувствовал, что тучи сгущаются. Однажды он вошел в комнату, где супруга Элизабет в это время кормила детей, и сказал:

– Элизабет, мне нужно с тобой поговорить.

– Отто, Эльза, ведите себя хорошо, я сейчас вернусь, – сказала Элизабет и прошла за Адольфом в другую комнату.

– Элизабет, я боюсь, что меня могут арестовать.

– Кто, Адольф?

– Как кто? Новые власти, Штази... Я должен попробовать бежать на Запад. Вот письмо, которое должен прочесть Отто, когда он вырастет. Здесь некоторые подробности, связанные с моей родней.

– А я могу прочесть это письмо?

– Безусловно. Но я хочу, чтобы этим делом занялся муж-

чина. Может быть, ему когда-нибудь удастся восстановить справедливость.

– Адольф, почему ты так уверен, что тебя арестуют?

– А ты сама разве не замечаешь, что происходит вокруг? Уже арестован Гельмут Бехт. А он был всего лишь блокляй-тером – это в партийной иерархии на ступень ниже моей должности. Мой арест – дело времени. Я должен использовать свой шанс спастись. Спрячь это письмо понадежнее.

Использовать шанс не получилось. При попытке перехода границы Адольф Гринберг был арестован. Его судили и дали срок. В тюрьме он заболел и через некоторое время умер в тюремной больнице.

Через несколько лет Элизабет повторно вышла замуж за инвалида, потерявшего ногу на Восточном фронте. Новый муж был сапожником и оказался добрым человеком. Детей Элизабет он принял как родных.

Полицейский инспектор Фриц Ниммер, которому было поручено расследование дела об убийстве Вальтера Обермана, в задумчивости сидел в своем кабинете. Данные экспертизы говорили о том, что смерть наступила около ноля часов того дня, когда труп был обнаружен Барбарой Итцель. И если исходить из того, что у преступника не было никаких оснований долго удерживать тело у себя, то отсюда следовало, что к месту обнаружения трупа он был доставлен около часа ночи. Время позднее, и шансов на то, что кто-то видел в это время на окраине города стоявшую на обочине машину, почти нет. Многолетний опыт инспектора Ниммера подсказывал ему, что дело имеет все шансы перейти в разряд «нераскрываемых». Разумеется, Ниммер понимал, что не существует преступлений, не оставляющих никакого следа, а нераскрытым преступление становится тогда, когда эти следы просто не были обнаружены по причине их неочевидности либо нерадивости следопыта.

В то же время инспектор Ниммер все из того же долголетнего полицейского опыта смел утверждать, что таких нераскрываемых преступлений он повидал немало, но тем не менее многие из них в конце концов раскрывались. Очень часто находился тихий незаметный свидетель, который что-то видел или слышал. Его добровольные показания, подогрева-

емые объявленным вознаграждением, нередко формировали ту исходную позицию, из которой можно было сделать первый шаг на пути к раскрытию преступления. Надеялся Ниммер на это и сейчас. Спустя три дня после убийства в местной газете был размещен призыв к сознательным гражданам, которые могли что-либо видеть или слышать. Обращение было повторено также в программе телевизионных новостей. Но, к сожалению, пока никто из граждан телефонным звонком или иным образом не побеспокоил Ниммера. Но он продолжал терпеливо ждать. Это был его единственный шанс напасть на след преступника.

Инспектор закурил и, глубоко затянувшись, грустно посмотрел на лежавшую на столе стопку дел, на молчавший телефонный аппарат; затем встал и подошел к окну. За стеклом он увидел серый октябрьский день, вот-вот готовый разродиться мелким, почти невидимым, но все равно противным дождем. По асфальту бесшумно скользили бурые кленовые листья. Ниммер вернулся к столу и снова опустился на свой стул. Легонько приоткрылась дверь, и в образовавшуюся щель робко просунулось покрасневшее лицо дежурного.

– К вам посетитель, господин инспектор.

– По какому вопросу?

– Говорит, что по делу о последнем убийстве. Он читал наше объявление в газете.

– Ведите его сюда, Хаслер.

Дежурный удалился, но скоро дверь – на этот раз широко – вновь распахнулась, и Хаслер бодро доложил:

– Он здесь, господин инспектор.

Ниммер кивнул, и дежурный, сделав шаг в сторону, открыл инспектору вид на посетителя, до сих пор невидимого из-за тучного тела дежурного Хаслера. Хаслер едва заметно подал посетителю знак войти и, дождавшись, когда тот полностью пересечет порог кабинета инспектора, осторожно прикрыл дверь. Вошедший сделал пару мелких робких шажков к столу Ниммера и, замерев на месте, сказал:

– Меня зовут Манфред Дик...⁴

Полицейский инспектор Ниммер, услышав имя посетителя, взглянул на сухонького, небольшого роста старичка и едва не хмыкнул, но, удержавшись, встал и, подвинув к посетителю стул, вежливо предложил:

– Присаживайтесь, господин Дик. С чем пришли?

Старичок опустился на предложенный стул, взглянул на инспектора и сказал:

– Господин инспектор, я прочитал в газете, что объявлено вознаграждение... Это так?

– Совершенно верно, господин Дик. Если сведения, которые вы собираетесь сообщить, относятся к обнаруженному на выезде из города труп мужчине и помогут в дальнейшем расследовании этого дела, то не вижу никаких оснований для невыплаты вам вознаграждения.

⁴ Дик (нем. dick) – толстый, тучный.

Старичок шмыгнул несколько раз носом, затем продолжил:

– По правде сказать, господин инспектор, я не видел никакого трупа... Но я наблюдал другую картину. Тогда я не придал ей особого значения, но после того, как прочел полицейское сообщение в газете, мое мнение изменилось, и я не исключаю, что мое наблюдение может иметь отношение к найденному трупу.

– С удовольствием выслушаю вашу версию, господин Дик. Приободрившись, старичок продолжил:

– Я пенсионер и страдаю бессонницей. Проживаю я на Бельштрассе. В ночь того дня, когда был обнаружен труп, я, как всегда, не спал и по привычке поглядывал в окно. На противоположной стороне улицы припаркованы несколько автомобилей, принадлежащих жильцам дома напротив. Примерно в половине первого ночи из подъезда дома вышли трое мужчин...

– Вы уверены, что это были мужчины?

– Да. Одного из них я даже узнал. Он постоянно проживает в этом доме. Я не знаю, как его зовут, и вообще близко незнаком с ним. Правда, слышал от соседей, что у парня криминальное прошлое. С ним были еще двое. Этот из дома и другой тащили на плечах третьего...

– Как тащили? Расскажите подробнее.

– Все выглядело так, будто этот, которого тащили, был сильно пьян. Его распростертые руки лежали на плечах этих

двоих, голова моталась, а ноги волочились по земле. Я еще подумал, это как же нужно набраться, чтобы даже не иметь сил переступить ногами... Потом, когда я прочел сообщение в газете, то подумал, что этот третий, которого вели, вполне мог быть мертвым. Ведь согласитесь, господин инспектор, если человек только что убит, то его тело еще не успело окоченеть и им можно манипулировать так, как будто человек просто пьян. Тем более на улице была темная ночь и хорошенько рассмотреть людей было сложно.

– Вы очень наблюдательны. Что было дальше, господин Дик?

– Однако той ночью я решил, что эти трое просто вместе выпивали и один из них сломался раньше двух других. Ведь к этому, что проживает в доме, часто приходили сомнительные типы... Двое доволокли третьего до машины и запихнули на заднее сиденье. Затем этот, проживающий в доме, сел за руль, второй уселся рядом с ним, и машина укатила.

– Так, может быть, так и было, господин Дик – теплая компания повеселилась, а потом наиболее стойкие отвезли товарища домой.

– Вполне возможно, господин инспектор, но уж больно пьян он был... я бы сказал, мертвецки... Так что, возможно, он был мертв... Кроме того, есть еще одно подозрительное «но»...

– Какое же, господин Дик?

– Эта машина, темно-серая «Ауди», принадлежит этому,

живущему в доме... Утром она снова стояла на своем месте.

– Что же в этом особенного? Отвезли товарища, и хозяин машины вернулся домой.

– Да. Но она стоит на своем месте все это время, никуда больше не отъезжая... А этот, живущий в доме постоянно, ею пользовался – уезжал рано утром и возвращался поздно вечером. Я подумал, что если машина имеет отношение к найденному труп, то сейчас на ее колесах могут быть остатки почвы, совпадающие с почвой в том месте, где был обнаружен труп...

Полицейский инспектор Ниммер по достоинству оценил криминальные познания старичка, мимолетно подумав, что они в немалой степени подпитываются детективными сериалами, регулярно просматриваемыми пенсионером, и вполне серьезно заметил:

– Ваши соображения, господин Дик, не беспочвенны. Мы этот факт обязательно проверим. Может быть, вы заметили, когда машина вернулась той ночью?

– Нет, господин инспектор, я ведь уже говорил вам, что тогда я не придавал никакого значения тому, что видел. Машина уехала, а я принял снотворное и кое-как проспал до утра. Проснулся я часов в шесть, «Ауди» уже стояла на своем обычном месте.

– И вы уверены, что после этого она никуда не уезжала вплоть до сегодняшнего дня?

– Абсолютно, господин инспектор.

– Могли бы вы узнать этих людей?

– Как я уже говорил, одного из них я знаю. Того, которому принадлежит «Ауди»... Этого, которого вели, я, пожалуй, не узнал бы, так как лица его не видел... Я же говорил, что голова его свесилась на грудь. Могу только сказать, что у него была густая темная шевелюра.

Ниммер подумал, что если пробы почвы с колес совпадут с пробами с места обнаружения трупа, то тогда в соответствии со сложившейся в его голове картиной наибольший интерес представляет второй из сопровождавших «пьяного». Насчет судьбы хозяина машины у него тоже сложилась определенная версия, которую легко было проверить. Он, естественно, ничего не сказал старику по поводу собственных соображений, а лишь спросил:

– Господин Дик, а могли бы вы узнать третьего?

Старичок подумал несколько секунд и сказал:

– Пожалуй, нет, господин инспектор. Я его не разглядел. Могу лишь утверждать, что он был моложе двух других.

– Почему вы так решили?

– По его упругой походке. Несмотря на тяжесть тела пьяного, он держался довольно молодцевато. Я бы добавил, что он был приличного роста. Этакий верзила.

– Это все?

– Пожалуй, да.

– Хорошо, господин Дик. Сейчас мы поедем туда, где вы живете, и вы покажете нам машину.

– Господин инспектор, я покажу вам машину, но в дом, где живет ее хозяин, не пойду... Сами понимаете...

– Я понимаю. Вам и не требуется идти в этот дом. Далее мы будем разбираться сами.

Старик обрадовался и спросил:

– А как насчет вознаграждения, господин инспектор? У меня такая маленькая пенсия...

– Если факты, изложенные вами, подтвердятся, получите в установленном законом порядке.

Старик ничего не знал о порядке, установленном законом, но удовлетворился ответом полицейского инспектора и встал со стула. Ниммер набрал номер дежурного и сказал в трубку:

– Хаслер, дежурную машину и двух свободных полицейских к подъезду.

...Когда машина свернула на Бебельштрассе, которая оказалась довольно короткой улицей, старик попросил остановить машину. Он наклонился к Ниммеру и сказал:

– Смотрите, господин инспектор, впереди справа дом, в котором живу я, а напротив дом, в котором живет хозяин «Ауди». Непосредственно перед домом стоит машина. Это и есть машина, нужная вам. Других там просто нет. А я, с вашего позволения, выйду из машины и дальше пойду сам.

– Хорошо, господин Дик. Вы оставили дежурному свои контакты?

Старик кивнул, выбрался из машины и засеменил по на-

правлению к дому. Ниммер дождался, когда он скроется в подъезде, и приказал водителю подъехать к дому напротив, где стояла довольно потрепанная темно-серая «Ауди».

Ниммер подошел к подъезду и нажал первую попавшуюся кнопку звонка. Ему повезло, потому что сразу же ответил старушечий голос:

– Кто там?

– Уголовная полиция. Откройте, пожалуйста, – сказал Ниммер.

Невидимый собеседник нажал кнопку, входная дверь зажужжала, и Ниммер, толкнув дверь, вошел в подъезд. Из двери квартиры, находящейся напротив входной двери, робко выглядывало старушечье лицо в обрамлении жиденьких седых волос. Ниммер понял, что это как раз та старуха, с которой он разговаривал по домофону.

– Добрый день, фрау. Инспектор уголовной полиции Ниммер.

Старуха бесстрастно выслушала его сообщение и продолжала молча его разглядывать. Ниммер решил продолжить разговор:

– Скажите, фрау, кому принадлежит темно-серая «Ауди», стоящая напротив дома?

Старуха, решив, что речь идет о неправильной парковке или другом нарушении дорожных правил, успокоилась и, немного выдвинувшись на площадку, сообщила:

– Господин полицейский, я не помню, как его зовут, но он

живет в квартире, расположенной точно над моей. На двери его квартиры есть табличка с его именем.

Ниммер поднялся на этаж выше и прочел на двери, указанной старухой: «Петер Хорст». Он оглянулся и увидел, что старуха, последовав за ним, приближалась к площадке этажа, тяжело преодолевая последние ступеньки. Взгляд ее выражал неподдельное любопытство. Ниммер спросил:

– Скажите, фрау, что вам известно о вашем соседе?

Старуха сделала страшные глаза и сказала:

– Я с ним не общалась, потому что он сидел в тюрьме.

– Откуда вы знаете об этом? Ведь вы же не общались с ним.

– От соседей, – коротко ответила старуха. Немного подумав, она добавила: – К нему вечно ходят какие-то подозрительные типы. Вот и три дня назад к нему приходили двое. Была пьянка. Они вели себя довольно шумно. Я хотела вызвать полицию, но потом они уgomонились, и я решила не портить себе нервы.

– Почему они уgomонились? Что вы видели?

– Я ничего не видела, так как боялась открыть дверь. Я только слышала шаги, когда они спускались вниз. Потом я услышала шум отъезжающей машины и только после этого выглянула в окно. Это была его машина, этого уголовника...

– Может быть, вы обратили внимание, когда вернулась машина?

– Что вы, господин полицейский, я так обрадовалась, что

они уgomонились, и сразу отправилась спать.

Ниммер снова повернулся к двери с табличкой и нажал кнопку звонка. Старуха продолжала стоять сзади, с любопытством ожидая, когда откроется дверь. Ниммер позвонил еще несколько раз, затем, выждав несколько мгновений, забарабанил в дверь кулаком. Из квартиры не донеслось ни единого звука.

– Скажите, фрау, когда вы видели вашего соседа в последний раз?

– Да, пожалуй, в ту ночь и видела его в последний раз. С тех пор он мне не попадался на глаза.

Ниммер снова подошел к двери, внимательно осмотрел ее и присел на корточки. Он попробовал даже заглянуть в замочную скважину, затем приблизил к ней лицо и потянул носом. Его тренированное обоняние уловило едва ощутимый знакомый тошнотворный запах. Неужели его догадка верна?

– Скажите, фрау, у вас есть номер телефона мастера, ответственного за домовое хозяйство?

– Да, господин полицейский. Только ему нужно звонить рано утром. Шанс застать его на рабочем месте в это время очень мал.

– Вы все же попробуйте, – сказал Ниммер и протянул ей трубку своего мобильного телефона, – если он ответит, передадите трубку мне.

Старуха быстро набрала номер и, приложив телефон к уху, напряженно прислушалась. Затем лицо ее просветлело.

– Господин Керстнер, это квартиросъемщица из дома на Бебельштрассе фрау Билински, с вами хочет поговорить господин полицейский, – сказала она и протянула трубку Ниммеру.

Полицейский прокашлялся и произнес в трубку:

– Господин Керстнер, я инспектор уголовной полиции Ниммер. Нам нужно открыть дверь квартиросъемщика Петера Хорста. Прошу вас срочно приехать с ключом. Существует подозрение, что произошло преступление.

– Я скоро буду, господин инспектор.

Ниммер повернулся к старухе, имя которой теперь ему было известно, и спросил:

– Надеюсь, фрау Билински, вы не откажетесь быть понятой?

Старуха немного поломалась, но потом заявила:

– Я не против, господин полицейский.

Ниммер спустился вниз и позвал одного из своих помощников. Когда тот подбежал, инспектор сказал:

– Курт, пройдитесь по подъезду, нам нужен еще один понятой.

Молодой полицейский кивнул и отправился выполнять приказание. Ниммер снова вернулся к двери квартиры Петера Хорста. Фрау Билински взглянула на инспектора и голосом, полным таинственности, спросила:

– Господин полицейский, что вы ожидаете увидеть за дверью этого уголовника?

– Все, что угодно, фрау Билински, – многозначительно ответил Ниммер, и старуха поджала губы.

Внизу раздались голоса. Впереди всех шел мастер Керстнер, за ним розовощекая полная девица в сопровождении молодого помощника Ниммера. Замыкал шествие другой полицейский, который до этого сидел в полицейской машине. Мастер Керстнер поздоровался с Ниммером, покопался в кармане и извлек связку ключей. Отыскав нужный, сообщил:

– Я к вашим услугам, господин инспектор.

– Открывайте, господин Керстнер, – попросил полицейский.

Мастер с опаской приблизился к двери, вставил в замочную скважину ключ и, на секунду задумавшись, повернул его, после чего толкнул дверь. Отступив в сторону, вопросительно взглянул на Ниммера. Инспектор сделал шаг в сторону двери и, обернувшись, предложил:

– Господа, прошу следовать за мной.

Оба полицейских помощника двинулись вслед за начальником, за ними потянулись остальные. Чувствовался трупный запах. Не включая свет, Ниммер пошел в ту сторону, откуда тянуло особенно сильно. Это оказалось кухней. На полу лежал мертвый мужчина с посиневшим лицом. Рядом с ним растеклось большое пятно уже засохшей крови. Тут же валялся огромный кухонный нож. Понятые от ужаса вскрикнули. Мастер Керстнер передернул плечами. Ниммер обернулся и, обращаясь к фрау Билински, спросил:

– Фрай Билински, вы знаете этого человека?

– Да, господин полицейский, это мой сосед, который проживает... проживал в этой квартире. Хозяин машины, которой вы интересовались.

Другая понятая, не дожидаясь вопроса, поспешила сказать:

– Господин инспектор, я тоже знаю этого человека. Это Петер Хорст. Он проживал в этой квартире.

Ниммер обошел остальные помещения, отметил про себя скромность обстановки и, не обнаружив на первый взгляд признаков ограбления, сказал, обращаясь к понятым:

– Господа, сейчас вы подпишете протокол, и я вас отпускаю. – Потом добавил, обращаясь к молодому помощнику: – А вы, Курт, сходите к машине и запросите по рации криминалиста для обработки следов.

Мастер Керстнер вопросительно смотрел на инспектора.

– Вам, господин Керстнер, придется задержаться, пока мы не закончим здесь все необходимые в подобных случаях формальности. Потом, когда мы заберем тело, вы закроете и опечатаете квартиру.

Мастер в знак согласия кивнул.

Только поздно вечером инспектор Ниммер вернулся в свой кабинет. То, о чем он мечтал утром, случилось, подвернулся шанс раскрыть преступление, но вместе с тем возникла масса вопросов, на которые Ниммеру предстояло ответить.

– Я думаю, господин инспектор, этого Петера Хорста убил кто-то из его криминальных дружков. Возможно, даже кто-то из тех, с кем он сидел в тюрьме. Вы могли бы по вашим каналам установить его прежние знакомства?

– Это для нас не сложно. Но мотив? Думаете, убийство Хорста – месть за какие-то старые делишки?

– Вовсе нет. Считаю, что преступник просто привлек старого дружка для помощи в убийстве Вальтера Обермана, а затем убрал свидетеля, чтобы замести следы. Думаю, он спланировал преступление заранее, что говорит о его особой жестокости.

– Вам что-то об этом известно, частный детектив?

– Я думаю, господин инспектор, что знаю мотив, но не больше. Я только начинаю расследование. Похоже, история началась очень давно, еще до начала Второй мировой войны.

– Очень интересно. Откуда вам это известно?

– Я беседовал с вдовой убитого Вальтера Обермана, она рассказала мне о некоторых событиях, связанных с семьей убитого супруга. Но пока это только мои предположения. Как только мне удастся установить что-то более точно, я обязательно поделюсь с вами этими сведениями. В свою очередь, буду рад услышать и от вас нечто, что поможет выяснить истину. Скажем так, я двигаюсь от истоков к самому

преступлению, а вы, наоборот, от преступления к его причинам. Как два велосипедиста, едущие навстречу друг другу из пунктов А и Б. В какой-то промежуточной точке мы встретимся, а результатом будет раскрытие этого, на мой взгляд, необычного преступления.

– Согласен, частный детектив. Всегда буду рад ответить на ваши вопросы и в свою очередь рассчитываю услышать ответы на мои.

– Замечательно, господин инспектор. Желаю успехов, – сказал Макс Вундерлих и положил трубку.

С самого утра сыщик находился в своем офисе на Шиллерштрассе и раздумывал над тем, с чего начать расследование убийства Вальтера Обермана. Неожиданный звонок полицейского инспектора из Эрфурта прервал ход его мыслей и дал пищу для новых размышлений. Звонок Фрица Ниммера он находил фактом чрезвычайным, так как считал, что обращение официального представителя правосудия к частному сыщику не есть нечто обыденное, а скорее представляет собой явление исключительное. Только острая необходимость могла позволить полицейскому инспектору переступить через профессиональную гордость и обратиться к никому не известному частному сыщику. Но Макс не намерен был строить из этого событие, тешащее его самолюбие, а, напротив, обрадовался звонку и возможности совместными усилиями найти истину.

Выслушав подробности вновь открывшихся обстоя-

тельств преступления, он понял, почему Фриц Ниммер позвонил ему. Инспектор искал любую возможность получить разъясняющую информацию, ибо внезапно свалившаяся удача в виде свидетеля Манфреда Дика так же внезапно породила массу вопросов, за которыми исчез едва забрезживший след. Экспертиза показала, что машина убитого Петера Хорста побывала на месте обнаружения трупа Вальтера Обермана. Кухонный нож, найденный возле тела Хорста, был орудием убийства. Отпечатки пальцев были тщательно удалены. Убийство произошло около двух часов ночи, что позволяло сделать предположение, что после того, как Хорст и неизвестный вывезли труп Вальтера Обермана, они вернулись в квартиру Хорста, где вскоре Хорст и был убит этим неизвестным, который после этого скрылся. Никто его не видел, никто ничего не слышал. Теперь Ниммеру предстояло устанавливать связи убитого Хорста, и он, позвонив Макссу, рассчитывал на какую-то информацию. Так же, как Макс рассчитывал получить информацию от инспектора. Сегодня они не смогли помочь друг другу. Перед ними лежал тернистый путь розыска, и никто из них еще не мог сказать, насколько длинным он окажется.

Макс сел за свой стол и закурил. Потом достал из выдвижного ящика стола трофеи, добытые в семейном архиве Гизелы Оберман. По сути дела, из всего, что он имел, наибольший интерес в данный момент представлял старый газетный снимок группы людей, собравшихся для похорон баронес-

сы Эльвиры фон Штразен. Он не сомневался, что на этом снимке есть и дядя Адольф, позднее написавший племяннику Карлу фон Штразену проникновенное письмо, обнаруженное Максом в семейном архиве. И дядя Адольф что-то знал или предполагал относительно медальона. Макс еще раз приблизил к себе газетный снимок, взял лупу. Бесполезно. Время безвозвратно уничтожило подписи к снимку. Разобрать фамилию дяди на конверте тоже не представлялось возможным. А чтобы двигаться дальше, нужно хотя бы установить фамилию дяди Адольфа. Как? Может быть, где-то в архивах есть неплохо сохранившийся экземпляр этой газеты? Тогда надо связываться с Айзенахом. А лучше туда поехать. А если там ничего нет? Дядя Адольф жил в то время в Ваймаре. Могут в Ваймаре помнить такого человека? Вполне, если назвать его фамилию. Но фамилия неизвестна. Может быть, кто-то сможет его узнать на газетном снимке? В этой жизни может быть всякое. Только с очень разной вероятностью. Макс почувствовал, как разболелась голова. Он пошел за ширму и приготовил себе кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.